

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Отягощенные злом

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Отягощенные злом / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2014 — (Бремя империи)

ISBN 978-5-699-69229-3

Год 2014-й стал годом, когда древний Ватикан превратился в радиоактивную пыль... Далеко не все, особенно в Российской империи, горевали о печальной судьбе оплота католичества – ведь многие служители Господа, не исключая первосвященников, столь упорно нарушали его заповеди, что стали похожи на адептов сатаны. Но вместе с негодьями и интриганами лишились жизни и сотни тысяч ни в чем не повинных жителей Вечного города. Атомный взрыв в центре итальянской столицы нарушил хрупкое равновесие, установившееся после недавней Мировой войны, – и в воздухе запахло новой. Кому, как не русскому разведчику, адмиралу князю Воронцову, разбираться в хитросплетениях европейской политики и искать подлинных виновников термоядерного катаклизма?

ISBN 978-5-699-69229-3

© Афанасьев А. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Александр Афанасьев

Отягощенные злом

© Афанасьев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Мы были молчаливыми свидетелями дьявольских деяний, мы прошли через многие бури, мы освоили науку лицемерия и притворства, жизнь научила нас подозрительности и скрытности, борьба измотала нас и сделала циниками. Разве мы еще на что-нибудь годимся?

Дитрих Бонхеффер

О чем я думал, когда сел и стал писать новую книгу под названием «Бремя Империи»...

Точно не о том, что она превратится в целый цикл, в целый мир, созданный, к сожалению, лишь на бумаге. О том, что когда-то будет «Бремя Империи-б», – я никак не мог подумать.

Тем не менее это свершилось, и вы сейчас открываете первую книгу шестой части цикла «Бремя Империи». И перед тем, как вы начнете ее читать, я хочу сказать немного от себя как от автора – по двум вопросам. Второй – о чем будет конкретно эта книга. Первый... первый более интересен.

Почему в этом мире получилось все именно так, а не иначе?

Наверное, у многих моих читателей уже возник вопрос: почему Российская Империя двадцать первого века мною изображена именно такой, какой изображена, а не другой? Почему, например, в ней не произошло большевистского переворота, и если не произошло – как решили вопрос с крестьянами и землей (вопрос мне уже задавался)? Почему у власти осталась династия Романовых, она же вроде как прогнила? Почему в стране не установилась конституционная монархия, почему люди не выходят на Манежку с лозунгами «Николашка, уходи», а просто живут? Интересные вопросы, да?

Начну издавека.

В одном месте я прочитал о том, как русский (советский, ну да ладно) человек приехал в Германию и обнаружил кирпич с надписью «1600 какой-то там год» в доме, в котором его поселили. Это, кстати, в художественном произведении написано было, ну да ладно. И там еще комод стоял, лет двести назад сделанный и до сих пор служащий людям. Человек этот сильно удивился – в России мы кичимся своей историей, но у нас, например, не найти в обычном доме комода двухсотлетней давности, который продолжал бы служить людям. А в Германии – найти. Наша история разрушена до основания, и не раз, а потом мы сидим и думаем: а откуда взялось поколение «Иванов, не помнящих родства»? Откуда такой разлом, такая проблема «отцов и детей»? И отцам, отвечая на этот вопрос, не мешало бы и себе задать вопрос: а вы сами уважали своих отцов и то, как они жили?

Почему-то у нас в головах до сих пор засела идиотски-сатанинская аксиома, что все перемены должны происходить через слом и полное отрицание старого. Раньше вставали с

правой ноги, а теперь вот обязательно с левой, и не дай бог кто с правой! Дом не устраивает – не будем его достраивать, а снесем и построим новый. И сейчас, здесь и сейчас – душиновато стало в России, застой, хочется передела и кровавых игр. Видимо, тем людям, которым хочется увидеть «социально справедливую» Россию двадцать первого века, хочется этого слома. Ну вот никак не могут они понять, что за сломом, разрушением – НИКОГДА НЕ ПОСЛЕДУЕТ НИЧЕГО ХОРОШЕГО. Во все, что мы ломаем, бьем, громим, выбрасываем на свалку истории или просто мусорную свалку, – во все это вложен труд и ум людей, все это что-то стоит, и новый модный комод хуже двухсотлетнего уже потому, что он не бесплатный, и мы тратим деньги на комод, когда У НАС УЖЕ ЕСТЬ КОМОД. Сумбурно немного, да? Согласен, сумбурно. Но именно это объясняет тот факт, что Североамериканские Соединенные Штаты сейчас являются гегемоном мира, а не мы. Они сумели, добились того, что большие ста пятидесяти лет война не посещала их территорию. Им не пришлось отстраивать заново то, что у них разнесли и разрушили. Им не пришлось восстанавливать общество против жесточайшей социальной войны. И даже если посмотреть на Германию – как они живут и как живем мы. Все дело в том, что они не выбрасывают комод, когда он у них уже есть. А мы – так и норовим выбросить.

Россия – 21 в романе «Бремя Империи» показана как страна, которая все-таки не выбросила на свалку истории то, что имела. Да, была кровь. Да, была несправедливость. Пострадали все. И дворяне, которых царь в обязательном порядке призвал на военную службу, чтобы укрепить армию, на которую он мог опереться против зараженной большевизмом страны (а момент, когда Россия висела над пропастью, был и тут, даст бог здоровья – опишу). И крестьяне, часть из которых получила землю, – но до этого они прошли и через карательные экспедиции, и через гражданскую войну на селе, когда правительство раздавало барам пулеметы, а кулаки покупали их за свои деньги. Но все-таки для крестьян потом тоже много чего сделали. И рабочие – Иваново-Вознесенск во время мятежа 1916 года расстреляли из осадной артиллерии, из Москвы трупы убитых в уличных боях вывозили товарными составами, в Сибири и вовсе нравы были свободные: по забастовщикам – огонь! (Кстати, почитайте о забастовках в САСШ и Англии – и там их войсками расстреливали.) Но главное то, что не произошло чудовищного срыва, когда одна часть общества принципиально отказалась от поиска общественного компромисса и пошла войной на другую. С болью, с кровью – но мятежные времена пережили и компромисс нашли. Причем какими-то своими интересами вынуждены были поступиться все.

Еще одно: тот, кто не кормит свою элиту, кормит чужую.

Русскую элиту, элиту начала двадцатого века, можно было назвать какой угодно. Но не такой. Она имела понятие о чести и совести. Это была русская элита, не чужая, и не отсохи, как Горбачев, – которая просрала страну за считанные годы. Они отстраивали страну, в это время Россия занимала первое место в мире по темпам экономического роста, второе – по численности населения, безусловно, первое – по территории. В России уже шла, причем шла очень быстро, индустриализация. И все это в нашем мире мы променяли на голод, кровь, мрак и банку скорпионов, кусающих друг друга и всех, кто попадется под руку.

На какую элиту мы променяли свою, собственную? Свердлов Янкель Мираимович, имевший брата – американского банкира, другого – французского офицера и державший наготове в сейфе деньги и награбленные ценности. Ягода Генрих Григорьевич, державший в доме коллекцию порнофильмов, – когда смотришь на его фотографию, само по себе возникает острое чувство ненависти. Дзержинский – профессиональный каторжник, наркоман (наркомания в ОГПУ была повальной). Ленин – из мелкого дворянства, родившийся у матери, у которой было четыре ребенка от четырех разных отцов. Ежов – алкоголик, педераст, буквально заливший кровью страну. Неужели это – элита, которой достойна Россия?

Что потом? Потом, увы, мелкое ворье с местечковым мышлением. Горбачев получил взятку от президента Южной Кореи Ро Де У – двести тысяч долларов в чеках на предъявителя за признание СССР Южной Кореи. Интересно, было что-то более мелкое и позорное в истории России? Позорное, к сожалению, было, а вот чтобы и позорное, и в то же время мелкое?

Я прошу вас представить себе одну вещь: например, представьте себе американского политика или британского лорда, который будет иметь дело с русскими, торгуя интересами страны... даже не за сто тысяч, за два миллиона. Допустим, мы откроем офшор в Баренцевом море...

Нет, такое невозможно себе представить. Потому что там – элита. Потомственная. Уже давно наигравшаяся с деньгами и сейчас ведущая игру с властью. С властью не внутри страны, а вовне, на международной арене. У нас, увы, у власти те, кто недоел, кому чего-то недодали в детстве. Доедают сейчас, объедая страну.

Второй вопрос. О чем эта книга?

Эта книга довольно необычна, она отличается от всех предыдущих. Эта книга не о событиях в Бейруте, в Персии, в Польше, в США или в Средиземноморье – как предыдущие книги цикла. В этой книге адмирал Воронцов вовсе не главный герой, он всего лишь один из героев. И здесь речь пойдет об очень важных вещах. Не столько об Афганистане, сколько о власти в стране. О схватке за власть. О рождении новой элиты и попытке перехватить итурвал.

Эта книга – несмотря на жанр альтернативной истории – злободневна, я пытался создать ее именно такой. Уже двенадцать лет мир находится в состоянии войны. Глобальной войны с терроризмом. Под эту войну и в связи с этой войной созданы уникальные технологии контроля, уничтожения, прослушивания. Под лозунгом обеспечения безопасности – в самых демократических странах попраны права и свободы человека. Нашу переписку читают без ордера, за нами следят без ордера, людей хватают и сажают в тайные тюрьмы без надлежащей юридической процедуры, наконец, любого могут просто убить, от Осамы бен Ладена и до Анвара аль-Авлаки, американского, кстати, гражданина. Мало кто знает о «черных четвергах» в Белом доме, когда рассматривают и утверждают цели для БПЛА, о том, что существуют математические модели и все чаще БПЛА наносят удары не по конкретным целям, а по «моделям подозрительного поведения».

Я хочу, чтобы люди, прочитавшие эту, книгу задумались – а что, если все это выйдет из-под контроля? Гражданские механизмы сдерживания военных как раз и существуют, чтобы держать все это под контролем. Но сейчас – механизмов сдерживания не существует.

Эта книга как раз поднимает эти вопросы. Надеюсь, вам понравится...

Ночь на 20 августа 2014 года

Священная Римская Империя

Не было и речи о том, чтобы оставить все как есть. Просто – не было речи.

Из Швейцарии, где мне ярким светом светило пожизненное заключение, я выбрался в Священную Римскую Империю. Взял автобусный билет на Базель, из Базеля позвонил по нужному телефону. Резидентура направила мне экспресс-почтой документы, с которыми я миновал границу, находящуюся всего в нескольких сотнях метров от границ города Базель. Всего пара часов ожидания – и я был уже на земле потомков варваров, разоривших Рим. Теперь, получается, дважды разоривших.

В Мюльхайме, городке, известном тем, что это единственный город с числом населения меньше двадцати тысяч, в котором есть пятизвездочный отель, я сделал две вещи: нанял машину и купил свежий выпуск «Зюд Дойче Цайтунг». В прессе (наверное, всего мира) – на первых полосах тема одна – ядерный взрыв в Риме. Приблизительная мощность около пятидесяти килотонн в тротиле, эпицентр – в самом центре Рима. Эксперты указали на чрезвычай-

чайно высокий уровень радиации и огромный выброс долгоживущих радиоактивных элементов. Как бывший Наместник в Персии я хорошо знал, что это означает, – приходилось, знаете ли, столкнуться. Первое – взорван не армейский заряд последнего поколения, а самодельная бомба, возможно, что и с кобальтовой рубашкой. Второе – Риму конец. История древнейшего, возможно, самого древнего города на Земле завершилась. Какой-то новый Нерон спалил его дотла, и теперь уже навсегда. Больше там никто жить не будет. Все, точка. Зона отчуждения.

Германские парашютисты высаживались в городе, чтобы оцепить зону заражения, не допустить просачивания пострадавшего населения, а также артефактов из зоны поражения в благополучные районы. Зная немцев, можно было не сомневаться в методах, какие они для этого изберут.

Раскол Италии был практически неизбежен. Вопрос лишь в том, на две или на три части. Промышленно развитый Север, скорее всего, под названием Падания примет столицей Милан и станет вассалом Священной Римской Империи Германской Нации. Или даже войдет в нее, как вошла Франция. Южная Италия, скорее всего, примет столицей не слишком близко расположенный к зоне заражения Неаполь, из которого, может быть, придется людей эвакуировать – в намного меньший по размерам Таранто, главную базу ВМФ Италии. Вопрос будет в том, с кем останется Сицилия: предпочтет остаться в унии с Южной Италией или отделится? Опыт отдельного существования у Сицилии был очень большой, плюс обида на Муссолини, его рейды не были забыты – там вообще ничего не забывают. И если отделится, то с кем будет Сицилия? Можем попробовать даже мы – и с Сицилией, и с Южной Италией. Опыт противорадиационных мероприятий, лечения заболевших лучевой болезнью после Персии у нас большой, на юге Италии явно будут искать противовес Германии – и мы подходим как нельзя лучше. Монархическая страна – на юге Италии всегда тяготели к монархии, к тому же у итальянцев осталась добрая память о русских моряках, сто лет назад первыми пришедших к ним на помощь после землетрясения. Да и Австро-Венгрия, давний враг Италии, – и наш враг тоже. Для нас же – еще один курорт, наподобие Крыма, пара десятков миллионов подданных, довольно приличный флот с четырьмя, пусть не самыми большими, авианосцами и несколькими очень приличными десантными кораблями плюс возможность серьезно поговорить о колониях. Да, еще вопрос в том, что будет с колониями. Сомали переходит к Священной Римской Империи, больше некуда, да и не возьмет никто. Думаю, германцы быстро наведут там должный порядок. А вот из-за Триполитании возможна жестокая война Священной Римской Империи с Францией. Мирного договора у них до сих пор нет, итальянские силы в Триполитании склонятся скорее к французам, а Франция достаточно сильна, чтобы не упустить шанса...¹

И эта история не завершилась для нас. Точка и здесь не поставлена.

Мрачные мысли о геополитике и о будущем европейского континента занимали меня все время, пока я добирался до Штутгарта. Там проходил скоростной автобан, на котором не существовало ограничений скорости, по нему я намеревался добраться до Берлина. Оттуда – или в Санкт-Петербург, или... надо подумать куда.

Отец...

Я ведь так и не узнал, что он делал в Риме перед тем, как произошло покушение на Папу, с кем он встречался и зачем. Наверное, и не узнаю никогда – Рима больше не существует. Существуют руины – и не те, на которые можно водить туристов, а радиоактивные. Как минимум на

¹ Франция на африканском континенте возникла в двадцатом году, когда эвакуировавшиеся из Европы французские войска заняли оборону в Алжире, колонии Франции. Рейхсвер, переправившийся через Средиземное море в двадцать первом, попытался взять Алжир, но безрезультатно. Поняв, что сопротивление серьезное, немцы ушли в глубь континента, за более значимыми территориальными призами. В двадцать втором году была провозглашена Французская Республика, существования которой не признали ни Германия, ни Россия. Начиная с этого года Священная Римская Империя и Французская Республика, возродившаяся волей судьбы на африканском континенте, находятся в состоянии временно приостановленной войны. Мирный договор так никогда и не был заключен, новая Франция не признала суверенитет Германии над континентальной Францией и заявила целью своего существования возврат на европейский континент и освобождение европейской Франции.

несколько десятков лет там будет зона отчуждения, если мы, люди, не придумаем, как загнать обратно в подземелье дракона, которого до этого по собственному зломыслию выпустили.

Мысль о том, что смерть барона Карло Полетти и взрыв в Риме связаны между собой, не давала мне покоя – и не будет давать весь отпущенный мне провидением остаток жизни. Слишком серьезное совпадение, чтобы на него не обращать внимания, а насколько я знал барона Карло, он вполне способен был и на такое. Этот человек мстил всему миру за свою страшную судьбу и добился в мести немалых успехов. И хоть его убил не я – от этого не легче...

До Берлина я добрался под ночь, загнав нанятый «Даймлер» на предельных скоростях. Город был оцеплен, проверяли документы – реакция вполне понятная, никому не хочется быть следующим. На улицах – усиленные патрули, вывели даже добровольных помощников из Югендвера. То, что меня не задержали по пути в посольство на Унтер ден Линден, – не более чем везение. Перевязанного человека, выглядящего как герой Шипки, просто должны были задержать, хотя бы по закону подлости...

В посольстве я полностью переменял одежду, попросил сжечь все, что на мне было. Черт знает, что на ней может быть – от радиоактивной пыли до последнего поколения жучка, которым меня «наградили» германские спецслужбы, желая посмотреть, куда я направлюсь². Посольский доктор осмотрел меня, наложил новую повязку и сказал, что лучше бы мне лечь в больницу для возможно более полного обследования. Вместо этого я переоделся в хлопчатобумажный спортивный костюм, которые тут были расходным материалом³, и спустился в «пузырь» – защищенный от прослушивания центр связи в подвале посольства.

Конечно же, в Санкт Петербурге, как и в Лондоне, как и в Берлине, как и в Вене, как и в Токио, как и в столицах всех держав мира, работал оперативный штаб. Не мог не работать. Ядерный взрыв в центре крупного города есть угроза самой наивысшей степени, какая только может быть, и пока не разберутся, что произошло, никто не может быть спокоен.

С облегчением среди собравшихся я увидел Юлию. Надеюсь, и она увидела меня с облегчением...

Председательствовал Путилов.

– Рады вас видеть, господин вице-адмирал, – поздоровался он, – вас сочли погибшим.

– Значит, долго буду жить, господин действительный тайный советник, – сказал я.

– Мы прочли ваш доклад, сударь. Возникли вопросы.

Даже несмотря на то, что линия защищенная, я не такой дурак, чтобы говорить по ней. Доклад я надиктовал на цифровой диктофон, затем полученный файл перегнали на шифровку, зашифровали, после чего специальной программой разрезали на несколько частей и отправили каждую из них по отдельности. Алгоритм сшивания отправили отдельно, совершенно другим путем. Даже если немцам удастся перехватить все части файла – чтобы понять, как именно надо его сшивать, придется потратить время. А его-то как раз нет. Ни у них, ни у нас.

– Готов ответить, коли будет такая возможность.

– Прежде всего относительно ваших обвинений. Вы уверены в них?

– На девяносто девять процентов.

– Девяносто девять?

– На сто нельзя быть уверенным ни в чем.

– Принятыми мерами, – заговорил старший офицер ВВС со знаком спутника на погонах⁴, – удалось установить присутствие в Средиземном море одного из двух сохранившихся

² Современный жучок может представлять собой липкую маленькую полоску, иголку – не заметишь, как подцепят.

³ Имеется в виду, что ни в какой другой одежде входить в «пузырь» не разрешалось.

⁴ Военно-космических сил в этом мире не существует. Военное освоение космоса производится силами ВВС, точнее – САК ВВС.

ударных авианосцев ВМФ Великобритании, а также королевской яхты «Британия» с Его Величеством Королем Англии на борту. Вы продолжаете настаивать на своих выводах?

– Я указал, – сказал я, – на тех, кто создал почву и все это время вел серьезную закулисную игру, многие детали которой мне неизвестны. Что произошло в точности – я не знаю, о чем и написал в отчете.

– Германское правительство, – помедлив, сказал Путилов, – обвинило во всем нас. Они публично заявили, что мы скрыли от всего мира правду о том, что происходило в Персии, о ядерных экспериментах и о результатах, которых добились персидские ученые, и о том, что ядерное оружие вышло из-под нашего контроля. Они предъявили доказательства того, что взрыв в Риме по своим характеристикам во многом схож со взрывом в Бендер-Аббасе. Они требуют создания международной комиссии под эгидой МАГАТЭ и раскрытия всей полноты информации по персидской ядерной программе.

– Они требуют?! – психанул я. – Плевать, что именно они требуют! Эти ублюдки облажались дальше некуда! Это они вели там какую-то игру! Это они играли с Ватиканом, пытаясь поставить туда своего Папу. Это они достоверно знали о том, что происходит в Африке, но вместо того, чтобы пресечь это, что-то скрывали и тянули до последнего. Господи, я просто поверить не могу! Они разлили там не одну канистру бензина – а теперь обвиняют нас в том, что произошел пожар?!

– Вообще-то, сударь, – рассудительно сказал сидящий рядом с Путиловым невысокий, похожий на финна или немца человек в мундире САК⁵, – лучшей защитой всегда было нападение. Обвини противника в том, в чем виноват сам.

– У нас немцы уже «противник»? – успокаиваясь, сказал я. – Как бы то ни было, я прошу санкцию на активную операцию в зоне Средиземного моря. Существует единственный известный мне человек, который имеет немало информации о произошедшем. Его я упомянул отдельно в своем отчете. Считаю необходимым срочно провести операцию по его изъятию. Если нам удастся взять под контроль этого человека – мы выиграем дважды. Вполне вероятно, узнаем о том, что произошло, и более чем вероятно – заставим заткнуться Берлин. Этот человек знает многое о грязных делишках РСХА.

– Этим уже занимаются.

– Прошу позволения лично принять участие в операции.

Путилов покачал головой:

– Вы же сами понимаете – вы не в том состоянии, чтобы принимать участие в подобной операции.

– Я не собираюсь высаживаться на берег. Но если я приму участие в его допросе – он расколется быстрее. Я знаю кое-какие имена, даты, факты, которые не знает никто. Он быстрее расколется.

Путилов быстро сдался.

– Хорошо. Возможно, это и в самом деле не будет лишним. В рапорте изложена вся известная вам информация?

– Да.

– Хорошо. Очень хорошо. Приведите себя в порядок, сударь. Игра не закончилась...

14 августа 2014 года

Северная Италия

Виа Мадонна деи Прати

⁵ Стратегическое авиационное командование. В этом мире авиация была поделена аж на четыре части: Стратегическое авиационное командование, занимающееся и дальней разведкой тоже, авиация ВВС и ПВО, армейская авиация и палубная авиация ВМФ, которая входила в состав ВМФ Империи. Ах да, еще у морской пехоты была собственная авиация поддержки, они единственные эксплуатировали СВВП.

– Башня, Башня, я Вертикаль три, Вертикаль три, мы на подходе. Прошу обстановку по секторам два, три и четыре...

Позывной Башня принадлежал самолету ДРЛОУ, дальней радиолокации и управления, барражирующему над Альпами, примерно в том месте, где сходится граница Швейцарской Конфедерации и Итальянской Республики. Позывной Вертикаль три – группе из двух спасательных вертолетов «Юнкерс» в специальной комплектации. Эти вертолеты взлетели меньше часа назад с площадки южнее Мюнхена, они принадлежали к пятисот одиннадцатой учебной эскадрилье Люфтваффе. В районе Гармиша располагался один из центров подготовки горнострелковых подразделений Рейхсвера.

Люди из Гармиша были в резерве, их не планировали привлекать к операции. Но операция «Пламя», направленная на то, чтобы ликвидировать угрозу ядерного террора и одновременно взять под контроль Итальянскую Республику вместе с ее достаточно привлекательными колониями и триполитанскими запасами нефти, пошла несколько не по сценарию. Германские силы были атакованы, штаб уничтожен, руководителя операции попытались убить. Попытка сыграть на противоречиях между римской диктатурой и Ватиканом обернулась провалом – при непонятном посредничестве две стороны примирились и сообща выступили против Германии. Чудом оставшийся в живых руководитель операции, доктор Манфред Ирлмайер, с опозданием связался с Берлином и сообщил об экстренной ситуации. Генерал-полковник полиции Кригмайер, начальник РСХА, приказал немедленно действовать, опираясь на те силы, которые доступны в данный момент. Но прежде чем был разработан удовлетворительный план действий, грянул взрыв в Риме и все пошло к чертям собачьим...

Первым делом надо было вытащить оказавшегося вне контроля Ирлмайера, который многое знал и мог попросту погибнуть...

В каждом из двух вертолетов было по восемь бойцов – два штурма. В основном – инструкторы, золотой запас любой армии, люди с пятнадцати-двадцатилетним опытом ведения боевых действий, регулярно тренирующиеся сами, занимающиеся с личным составом, своими глазами видевшие ошибки в десятках самых разных тактических ситуаций. Если их бросают в бой – значит, дела обстоят совсем скверно...

Долина показалась под брюхом неожиданно, они на скорости проскочили альпийский хребет, и вертолеты заскользили вниз, стараясь не стать мишенью для ракетчиков и зенитных установок, которые тут вполне могли быть. Здесь, на склонах Альп, снег сошел, территория вечных снегов была намного выше...

– Вертикаль, я Башня. Прошли точку два, снижайтесь.

– Вас понял, ухожу с канала. Конец связи...

Два вертолета резко снизились, буквально стелясь над землей, пошли направлением на юго-юго-восток. Внизу – тусклые огни костров, едва светящиеся змеи дорог с застрявшими на них машинами, темнота. Беженцы. Пулеметчики за пулеметами, штурман не отрываясь смотрит на экран радара. Все не понарошку, всерьез.

В берлинском оперативном центре, расположенном в бывшем бункере штаба ПВО «Берлин» (сам штаб переехал в куда более защищенное место), на основном экране была загружена карта Северной и Центральной Италии. Карта была интерактивной, она создавалась из миллионов снимков, передаваемых на землю в оцифрованном виде. Расположение цели, возможные угрозы, дружественные и враждебные силы – все налагалось прямо на картинку. На боковых экранах намного меньших размеров транслировалось изображение с нацеленных камер бойцов и с систем ориентирования вертолетов, превращая происходящее в некий аналог интерактивной компьютерной игры.

Картинка задержалась...

– Вышли к цели. Начинают десантирование, – сказал один из офицеров.

Как и положено по правилам, один вертолет сел, другой – остался в воздухе, нарежая широкие медленные круги над местом посадки, чтобы при необходимости поддержать собрата огнем пулеметов и ракет.

– Десант на земле!

Пулеметчик прикрытия остался у вертолета, нацелив ствол ручного пулемета на едва теплящиеся огни костров вдали – селение. Бойцы спасательной группы рванулись вперед, ориентируясь на засеченный маяк. В качестве маяка использовался пойманный некоторое время назад сигнал от сотового телефона.

Ферма. Скотный двор. Тени животных, тепло. Непонятно, где хозяева...

– Стрелять только в ответ, – приказал старший из парашютистов, – начинаем поиск...

Доктор Манфред Ирлмайер лежал в рощице у дороги, трясаясь от холода, страха и ненависти. Именно такое, совершенно неизвестное ему ранее сочетание чувств поработило его. Не помня страха много лет, сейчас он испытывал именно его и оттого был готов убить...

Секеш был рядом – и Ирлмайер больше всего почему-то ненавидел его. Возможно, за спокойствие, возможно, за храбрость. Возможно, за то, что он стал свидетелем его, Ирлмайера, унижения. Его, генерал-лейтенанта полиции, провели как мальчишку.

Но еще страшнее он ненавидел Коперника и всех римских кардиналов.

Ублюдки, прелюбодеи, мужеложники, воры, подонки всех мастей! Они не просто провели его – они бросили вызов всей Германии. Твари, присвоившие себе право ДАВАТЬ ИСКУПЛЕНИЕ. Не прощать, не давать прощение – а именно давать искупление. Торговцы пустотой, приватизировавшие право высшего суда – суда совести.

Ничего. Только бы выбраться отсюда...

– Идут! – негромко сказал Секеш.

Ирлмайер вслушался – и услышал едва слышный рокот, более похожий на шум далекого водопада.

– Лежите...

Ирлмайер понимал, что без Секеша он бы не добрался сюда и вообще погиб бы в том доме в Болонье. Но это не мешало ненавидеть...

Секеш внимательно всматривался в темноту...

С севера. Скорее всего, наши...

Гул нарастал уже по экспоненте, вертолеты были совсем рядом. Не гул, а назойливый, почти монотонный шум, что указывало на применение специальных технологий подавления шумов.

Источники шума разделились.

– Идем?

– Нет, подождем...

Секеш выжидал чего-то еще минут десять, потом поднялся, держа руки над головой.

– Держите руки выше, экселленц. У этих людей легкая гашетка...

15 августа 2014 года

Средиземное море

Летающая лодка фирмы «Дорнье», устаревшее, но все еще надежное средство передвижения, взлетела с озера Липензее, расположенного к северу от Берлина, примерно в два часа ночи по берлинскому времени. Лодка была переполнена пассажирами, буквально ногу было некуда поставить. Но те, кто летел на ней, знавали и худшие виды пыток...

Одна из них – докладывать высшему начальству о провале. Да еще в присутствии своего непосредственного начальника. В японской культуре есть такое понятие, как сеппуку – «раз-

решать живот», – в европейском переводе это харакири. Делая сеппуку после провала, японец избавляет себя от позора и уходит на тот свет с гордо поднятой головой. В европейской культуре такая форма самонаказания, как ритуальное самоубийство, практически отсутствует, только офицеры раньше стрелялись, если не могли выполнить приказ. Ирлмайер считал это глупостью: нужно жить, для того чтобы иметь возможность отомстить, нанести ответный удар. Но иногда – как в этот день, к примеру, – Ирлмайер понимал, почему люди все-таки стрелялись. Ему еще никогда в жизни не было так стыдно.

Впрочем, он поборол в себе чувства, недостойные офицера РСХА, тем более такого высокого ранга. Правила изменились, и времена изменились – от бесчестия больше никто не стреляется, не дожидается. От бесчестия стреляют. Убивают.

Когда Его Величество Кайзер спросил, как, по его мнению, нужно выправить ситуацию, что еще можно исправить, доктор Ирлмайер без промедления ответил: нужно захватить генерала Анте Младеновича. Прежде чем это сделают русские, англичане или кто-то еще, черт возьми. Только он может знать об истинных шагах Католической Церкви, о том, что, ко всем чертям, произошло в Риме, откуда там взялся заряд. Генерал Анте Младенович и его наемники, которых он вербовал, обучал и отправлял во все стороны света, были новыми крестоносцами, ударными отрядами церкви, новыми католическими псами-рыцарями. Генерал был в курсе дел по Сомали, по Конго – по всему, в общем. И если Салези ди Марентини игрался с обогащением урана – он тоже должен был это знать. Не мог не знать...

Вместе с Ирлмайером летело выделенное директором РСХА (со снисходительной усмешкой на губах) отделение девятой группы погранвойск. Это малочисленное, но превосходно обученное подразделение было создано в системе пограничной стражи как экспериментальное еще в семидесятом. Задача – борьба с внутренним терроризмом. После того как Кайзер запретил использование частей Рейхсвера внутри страны, пограничная охрана оказалась едва ли не единственным хорошо вооруженным и экипированным по рейхсверовским стандартам подразделением, имеющим право действовать на территории самого Рейха. Пограничная охрана считалась элитой, туда брали с огромным отбором – и хотя это подразделение имело недостаточную квалификацию в общевойсковом бою, в боях в городском условиях равных им не было.

Довольно неторопливая лодка плюхнулась на воду Адриатики примерно в пять утра по Берлину. С ТДК «Бавария» спустили большую надувную лодку и перевезли двумя рейсами прибывших на корабль. На корабле было шумно, промозгло и сыро. Матросы не спали больше суток и были изрядно вымотаны, корабельные каюты были полупустыми – все десантники остались на берегу. Одетые в противорадиационные костюмы моряки поливали из шлангов вертолеты, проводя первичную обработку от радиации. На постах никто не стоял, в том числе и те, кто должен был, – палуба была пуста.

Таща за собой баулы, они прошли по скользкой, залитой водой с каким-то порошком палубе в надстройку, где пути прибывших разошлись. Пограничники отправились в опустевшие каюты морских десантников отдохнуть – Ирлмайер направился в штаб, который на кораблях первого ранга был отделен от капитанского мостика.

– Офицер на палубе! – заорал охранявший штаб grenадер, стоило ему только появиться в просторной, с экранами и пультами операторов БПЛА комнате.

– Вольно, вольно...

Ирлмайер с горечью подумал, что сюда новости еще не дошли – здесь он всемогущий шеф четвертого управления. Оставаться в этом качестве ему еще недолго: наверняка Кригмайер подыскивает место. Учитывая его звание – генерал-лейтенант сил полиции Рейха, – место будет высоким, даже почетным, но при этом мало чего значащим. Его могут отправить в Латинскую Америку или в Бурскую Конфедерацию... налаживать связи с тамошними спецслужбами. Или могут отправить в Интерпол с мыслью выдвинуть его на должность генерального директора,

когда будут выборы. Могут поставить на кадры... нет, на кадры не поставят. Кригмайер не дурак, он никогда не сделает такой ошибки, как отдать врагу кадры.

Как же так... как же так...

В углу тикали старинные, с гилями часы. На них зловеще потрескивал дозиметр...

Пожилой, бородатый, чем-то похожий на Деница офицер оторвался от оперативной карты, выведенной на огромном прозрачном экране, перекрывавшем центр комнаты с пола до потолка, подошел, отдал честь, но руки не протянул.

– Капитан цур зее, барон Людвиг фон унд цу Зинненберг к вашим услугам.

– Генерал-лейтенант сил полиции Манфред Ирлмайер. Срочное задание, Личный приказ. – С этими словами Ирлмайер протянул запечатанный пакет.

– Майн Готт. У нас нет людей. Совершенно нет. Только вертолеты.

– Люди у меня есть, капитан, – сказал Ирлмайер, принужденно улыбнувшись, – люди у меня есть...

– Хайне! – крикнул капитан, перекрывая своим густым басом рабочий гул штаба. – Нам нужен еще один беспилотник...

14 августа 2014 года

Средиземное море

Ударный авианосец «Николай Первый»

Крюк зацепился за трос аэрофинишера, погасив скорость до нуля. Нас качнуло вперед...

Матросы палубной команды в разноцветных жилетах (каждый цвет соответствует выполняемым на палубе функциям) бросились к самолету. Нужно было поставить стопоры на вооружение, визуально проверить состояние самолета после перелета, в частности отсутствие утечек из подвесных баков, убрать самолет с полосы: зацепить за крюк тягача и препроводить к лифту. Дел было по горло...

Пошла вниз, опускаясь на палубу, узкая лестница.

– Благодарю, господа... – Я по очереди ткнул кулаком о кулак летчика и специалиста по вооружениям. Пожать руку в перчатке было затруднительно...

Это был уникальный в своем роде самолет. Обычно учебные самолеты бывают двухместными, этот же был четырехместным. Сделанный на основе истребителя-бомбардировщика «СЗ4», он был единственным в палубной эскадрилье учебным самолетом такого класса и использовался в основном не для учебы, а для перевозки начальствующего состава с приличествующей этому делу скоростью. Сиречь меня, я в данном случае – начальствующий состав. Хоть, по правде говоря, и облажавшийся по всем статьям.

Первый, кого я встретил на палубе, – не летный командир, не врач, а дозиметрист. Недобрая примета нового времени...

– Чисто, господин адмирал, – объявил он, поводя вокруг меня потрескивающим аппаратом, и принялся за самолет.

Несколько человек стояли вдалеке на палубе. Я заметил, что дежурная четверка усиления, стоящая на палубе в полной боевой: два самолета с ракетами «воздух – воздух» и два – с ПКР⁶ – были накрыты тончайшей одноразовой пленкой – укрытием, чтобы не собрать на себе радиоактивные осадки и не потребовать полной дезактивации.

– Господа!

Я подошел к ним. Старший офицер безопасности корабля, старший летный офицер, второй капитан. Негусто.

– С нами бог, господа.

– С нами бог, за нами Россия...

⁶ Противокорабельные ракеты.

С этими словами мы направились к остоу, светившемуся в темноте красными и белыми огнями...

– Островский здесь?

– Так точно, на корабле-с...

Думаю, командир группы безопасности авианосца не слишком-то рад тому, что командование обратило внимание на совсем еще молодого и уже проявившего себя Островского. Но мне на это плевать – надо выдвигать молодых. Если от моего авторитета к концу этого безумного похода что-либо останется – напишу вхождение на золотое оружие. Если эти остолопы не догадываются...

– Что с радиационной обстановкой?

– В пределах нормы. Ветер на норд-вест, господин вице-адмирал.

Это значит, что радиоактивное облако от взрыва сносит в сторону Священной Римской Империи. Бог шельму метит! Хотя негоже радоваться чужой беде, определенно негоже...

У входа в остров радиометрическая группа устроила «предбанник» – развернутый кокон из плотного полиэтилена с распылителем. Входишь – и тебя окутывает мельчайшая взвесь капелек специального вещества, которое как бы связывает радиоактивную пыль. Оно засыхает мгновенно – а после выхода тебя чистят специальным пылесосом со щеткой. После трагедии семнадцатой оперативной эскадры – а там больше трехсот человек подхватили лучевку – дуют на воду, и правильно делают...

Пережив и это надругательство – пошли дальше, направляясь в корму, в сторону офицерской кают-компания и адмиральского салона. Очевидно, там развернут штаб.

Вице-адмирал Бобров, высокий, осанистый, огромной бородой похожий на флотоводцев прошлого, пошел навстречу, чисто по-русски раскинув руки для объятий. Если он и не рад появлению на борту офицера в том же звании, что и у него, то вида не показывает...

– Рад вас видеть... Рад вас видеть, князь.

– Взаимно... Что с нашим пленником?

– Осмотрели врачи. Звери, сущие звери, да-с...

Еще бы. Ватикан вполне заслужил то, что с ним произошло. Люди, которые отринули заветы Господа нашего Иисуса Христа, превратив храм в вертеп, курию в мафию, иезуитский орден в разведслужбу, монахов – в наемных убийц, определенно заслужили постичь всю ярость гнева Господнего. А каким он бывает – можно видеть на примере Содомы и Гоморры или Всемирного потопа. Вот только люди, которым просто не повезло жить в Риме, – они-то ни в чем не виноваты...

Как-то сразу вспомнилось. Баронесса Антонелла Полетти, Франческа, Милана. Их-то за что? Они-то что сделали? Почему-то в таких ситуациях мне больше всего жаль женщин. Они ни при чем, они вне игры, не в счет, как говорится. Это все наши, мужские игры. И если кто-то из нас проигрывает – он заслуживает свою участь, просто фактом своего участия в игре. А вот они...

О том, что могло произойти, если Крис вернулась в Рим – а у нее вполне могло хватить ума это сделать, – мне не хотелось и думать...

– Желаете увидеть его?

– Не сейчас. Я хочу прояснить ситуацию – я не претендую ни на какое командование. Но у меня есть задача, которую я должен решить с помощью амфибийных сил и, возможно, с поддержкой ваших самолетов. Только и всего.

– Помилуй бог, я ничего такого и не думал по отношению к вам.

– Неважно, сударь, главное – с самого начала правильно расставить приоритеты. Я хочу знать оперативную обстановку...

– ...По состоянию на Ч+120⁷ оперативная обстановка в регионе остается кризисной... – докладывал старший офицер военно-морской разведки, начальник разведпункта ВМФ на авианосце, подкрепляя свои слова мечущимся красным зайчиком лазерной указки на виртуальном экране последнего поколения во всю стену. – Священная Римская Империя заявила об оправданном вмешательстве в дела суверенной Итальянской Республики, связанном с ядерной террористической атакой и крушением итальянской государственности, а также в связи с угрозой заражения значительных территорий самой Империи. Продолжается переброска соединений африканских стрелков, парашютистов, частей специального назначения из Африки, морских пехотинцев из района Кенигсберга и Померании. По нашим данным, на территории Итальянской Республики на сегодняшний день находится до девяноста тысяч личного состава Священной Римской Империи, до восьмисот единиц транспорта и боевой техники, до пятисот летательных аппаратов. В настоящее время переброска личного состава практически завершена, начата переброска боевой техники, в том числе специальной...

На оперативном совещании у Кайзера принято решение передать всю координацию действий от Рейхсвера флоту. Оперативным штабом Флота открытого моря, размещенным на ТДК «Бавария», проводятся в действие оперативные планы «Кольцо-1» и «Кольцо-2». Оперативный план «Кольцо-2» предусматривает блокирование Итальянского полуострова с целью недопущения вывоза зараженных предметов, пораженного лучевой болезнью населения, а также недопущения проникновения на полуостров новых террористических групп. План исполняется силами Флота открытого моря в составе: корабли первого ранга: ударные авианосцы «Барбаросса» и «Кайзер Вильгельм», ТДК «Бавария», «Шлезвиг-Гольштейн», «Кенигсберг», «Берлин», линкор «Бисмарк», более пятидесяти судов обеспечения второго и третьего рангов. Силами второй и третьей эскадр подводных лодок, базирующихся в Бресте, создана запретная зона на входе в Гибралтар, хотя официально об этом ничего не объявлено. Силами Флота открытого моря блокирована база в Таранто, там сейчас находятся авианосцы «Принц Евгений Савойский» и «Цезарь Борджиа». Враждебных действий ни одна, ни другая сторона не предпринимают. В ответ на наше предложение оказать помощь последовал отказ и контрпредложение не вмешиваться в ситуацию.

Я примерно прикинул диспозицию. Просто так, для тренировки оперативного искусства. Немцы блокировали базу в Таранто и быстро создали превосходство военно-морских сил на подступах к Итальянскому полуострову. И, на мой взгляд, сильно напрасно: они заперли себя в Средиземном море, открыв свои тылы, в том числе стратегически важный – Атлантику (хотя развернуть подводные лодки в цель от Гибралтара проблем не составит). Они оставляют частично открытой Триполитанию и полностью открытым Сомали. У нас, насколько я помню, в Средиземном море к началу событий случились два ударных авианосца и авианосный корабль «Адмирал Колчак», на котором базируется полэскадрилья самолетов СВВП. «Николай Первый» возвращается по выполнению учебных задач в Атлантике, из Ниццы вышел транспорт, там самолетное топливо и не израсходованные в походе боеприпасы. Экипажи сменить не удастся, но эти только что прошли всю программу учебных вылетов, слетались и находятся в отличной форме, руки штурвал не забыли. Так что равенство, господа, равенство. И мы точно так же можем перенаправить сюда дополнительные силы из Персидского залива и Черного моря, там еще один авианосец как минимум и ТДК. А Суэц наш, и вы его не перекроете...

Два авианосца находятся на базе – это значит, что три в море. В том числе и новейший «Король Виктор Иммануил» – полноценный ударный авианосец дальнего рубежа в сто пятнадцать тысяч тонн водоизмещением, это вам не эскортники-средиземники. Интересно, а

⁷ Отсчет от времени события или начала какой-то операции. Про то, что в нашем мире после Ч+48 счетчик обнуляется, автору известно, но здесь все по-другому.

что их команды думают по поводу случившегося? Куда они пойдут на дозаправку, к кому прикнут? Порт Могадишо как раз перед самым мятежом был серьезно углублен, чтобы обеспечить возможность стоянки кораблей класса «тяжелый авианосец», порядок при желании наводится очень быстро, желающие помочь найдутся, а пример Франции, возродившейся на африканской земле, весьма заразителен. Если нет больше Италии в Европе, почему бы Италии не возродиться в Сомали? При римлянах там орошаемое земледелие процветало, три-четыре урожая в год снимали.

Оперативным планом «Кольцо-1» предусмотрено блокирование пятидесятикилометровой зоны заражения по суше, для чего используются парашютисты, части специального назначения и африканские стрелки и следопыты. Население с зараженных территорий направляется в специальные лагеря, где осматривается военными медиками. Лица, получившие смертельную дозу излучения, утилизируются и хоронятся в специальных могильниках, остальным оказывается медицинская помощь.

Я поднял руку:

– Как именно утилизируются? В смысле – их казнят?

Офицер немного смутился:

– Совершенно верно. Мы перехватили сообщения с запросами о том, какое наказание полагается солдатам и офицерам, отказывающимся участвовать в экзекуциях. В последнее время они, видимо, поступают по-другому. Убивают уколами либо в газовых камерах.

Ах, как здорово! Я, в принципе, никогда и не сомневался в том, что европейцы все-таки не такие, как мы, а немцы – типичные европейцы, можно сказать квинтэссенция европейцев. Но только что я получил неприятное подтверждение этого. Смертельная доза? Чего возиться – сделал укол, как ветеринар больной собаке, – и в могильник! Европа такова. Там никогда не ценили людей. У нас, у русских, всегда было наоборот, потому что у нас было слишком много территории и слишком мало людей, чтобы ее заселить. Мы даже воевали принципиально по-другому: когда мы приходили куда-то, нам нужны были и люди, и территория, в то время как европейцам – только территория, жизненное пространство. Европейцы знают это, они знают, что нравственно мы несоизмеримо выше их, отсюда и злобные выпады в отношении нас. Например, при Иване Грозном было казнено четыре тысячи человек. Какое злодеяние! А в это же самое время в Париже в одну ночь перебили от двадцати до сорока тысяч человек! Иван Грозный все на богомолье ездил, молился за души загубленных, божьего гнева боялся, а Карл IX в Варфоломеевскую ночь стрелял по своим подданным из окна своего дворца⁸. История Европы – история страшного кровопролития, уничтожения людей во взятых с боем городах до последнего человека, религиозных войн, безумных истреблений ведьм, когда можно было ехать целый день и не встретить ни одной женщины – всех сожгли как ведьм. Войны велись просто с невиданной для России жестокостью, в них погибала и половина, и две трети населения участвующих стран. Так что очень и очень напрасно кто-то скорбит, что Восток взяли мы, а не немцы с их дорогой Берлин – Багдад. Если бы это были немцы, арабы, скорее всего, были бы поголовно истреблены.

Кстати, в Персии несколько процентов смертельно зараженных все же выжили и даже поправились благодаря новейшим методам лечения. Но даже если бы я знал, что не выживет ни один, я все равно не отдал бы приказ уничтожать смертельно больных. Может быть, даже

⁸ Показательна реакция Ивана Грозного на эти события, изложенная им в письме императора Максимилиана: «А что, брат дражайшей, скорбиш о кроворозлитии, что учинилось у Францовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцов избито; и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество Француской король над толиком народом учинил и кровь толикую без ума пролил». Обычно после этого Ивану Грозному припоминают Новгород, хотя современные исследования показали, что большая часть захоронений, которые приписывают визиту Ивана со опричники в город, на самом деле останки горожан, погибших от разразившейся в то время эпидемии чумы.

не из жалости к ним, а чтобы русский солдат, моряк, казак не становились палачами. Да и не стали бы они, отказались бы. Вон, даже немцы отказываются.

– У вас есть распоряжение собирать подобные материалы в отдельное досье?

Разведчик посмотрел в сторону Боброва:

– Никак нет-с...

– Сделайте это.

– Есть...

Ох, чует мое сердце, пригодится нам еще это в Гааге⁹. Если и не в открытом суде – то хотя бы для того, чтобы этот суд не состоялся. Над нами...

– И выделите это в отдельное направление работы. Интересны любые нарушения прав человека, любые зверства над мирным населением, любые инциденты.

– Есть... Так... дальше. Среди флотов других государств в Средиземном море присутствуют: от Британской Империи – «Король Георг», правда, с неполной авиагруппой, он стоит на прикрытии Гибралтара. От Франции – «Жанна д'Арк» смещается в сторону Триполитании, там же находится «Джузеппе Гарибальди» и транспорт-док «Венетто». Испанский авианосец «Принц Астурийский» находится в районе Гибралтарского пролива, его намерения неясны.

Силы русского флота: согласно директиве семьсот тридцать два Главморштаба концентрируются в объединенную ударную группировку в Ионическом море, готовясь действовать в любом направлении. В состав ударной группировки входят ударные авианосцы «Николай Первый», «Александр Первый», авианесущий корабль «Адмирал Александр Колчак». Десантных сил нет. Производится пополнение запасов с транспортного судна, вышедшего из Ниццы, завершено на семьдесят процентов на сей час.

Активная летная работа ведется на «Барбароссе», «Жанне д'Арк», «Джузеппе Гарибальди». Боестолкновений на сей момент не отмечено, враждебных действий сил итальянского флота против германского также не отмечено. Боевая готовность семьсот тридцать второй ударной группы остается в пониженном режиме, вылеты производятся только для разведки и самозащиты. Согласно директиве Главморштаба производится текущий ремонт летной техники для обеспечения готовности к вылетам.

Ситуация в колониях Итальянской Республики остается стабильно напряженной, обострение обстановки отмечено в Триполитании. Единое боевое управление силами итальянской армии и флота, по всей видимости, отсутствует. Радиоразведка докладывает об отсутствии в эфире основных армейских и флотских штабов Итальянской Республики...

Радиационная обстановка контролируется приданными силами, на данный момент характеризуется как нормальная. Метеорологическая служба отслеживает господствующие в зоне патрулирования воздушные потоки, личному составу прописана йоддефицитная профилактика, предписано принимать душ не менее двух раз в сутки, медицинская служба ведется в усиленном режиме...

Дальше было уже не особо интересно. Обстановка стабильно тяжелая, и в Средиземном море – маленькой лоханке – собрались восемь ударных авианосцев, один авианесущий корабль, представляющий собой тот же ударный авианосец, только старый. Черт... я же забыл Австро-Венгрию... у них же столько сил, сколько и у нас со Священной Римской Империей, вместе взятых, – четыре ударных авианосца в строю, если они поход в Атлантику не затеяли. Как минимум два – они постоянно держат в Адриатике силы против Италии. Значит, десять, с «Колчаком» – одиннадцать. И у всех нервы на взводе, а пальцы – на кнопке. Если сейчас предпринять активные действия в Хорватии, будет еще лучше...

⁹ Гаагский международный трибунал – суд для государств, создан по предложению ЕИВ Николая Второго Романова. После Берлинского мирного конгресса стал одним из ключевых элементов международной системы безопасности. Священная Римская Империя вполне могла подать в суд на Российскую Империю, обвиняя ее в потворстве незаконным ядерным экспериментам в Персии, утрате контроля над опасными ядерными материалами, которые и привели в конечном итоге к теракту в Риме.

– У меня вопрос... – сказал я. – Какой из германских кораблей ближе всего к Банству Хорватскому?

– «Бавария», вне всяких сомнений. Она стоит в Адриатике, даже ближе к хорватскому берегу, чем к итальянскому. «Барбаросса» находится там же, на траверзе Пула и Равенны.

– Но там же штаб... – не понял я.

– Так точно... – недоуменно ответил один из офицеров...

– Вероятно, боятся попасть под радиоактивные осадки... – сказал еще один из офицеров, возможно хлебнувший лиха в семнадцатом соединении и знающий, что к чему, – они даже не осмелились зайти в Тиренийское море. «Кайзер Вильгельм» прикрывается Корсикой и Сардинией, основные силы Флота открытого моря сосредоточены в районе Сицилии и на Адриатике...

Ну что за молодцы! Право, я начинаю сомневаться в чести немцев. Да, они наши главные союзники, да, без них немыслима Европа. Но так нагло и бесчестно врать, пользуясь трагедией, которую они сами и подстроили... Конфигурация Флота открытого моря явно говорит о том, что они затеяли, каковы их намерения. Ни хрена они не намерены никого спасать, ни хрена они не намерены никому помогать! Первая их задача – блокировать Таранто на случай возможного выступления итальянских моряков, обеспечить, так сказать, себя гарантиями. Второе – перерезать узкий пролив между Европой и Африкой в районе Сицилии, чтобы не пустить в Ионическое море ни французов, ни англичан, ни испанцев. Нас они не считают за врагов – иначе бы забеспокоились, потому что мы создали преимущество как раз в Ионическом море. И они перекрыли Адриатику силами вертолетов с «Баварии» и авиагруппы с «Барбароссы». Они точно знают, что произошло, откуда в Италии появилось ядерное оружие, и, возможно, готовят специальную операцию по поимке генерала Анте Младеновича, международного торговца оружием и военного преступника.

– Вы можете показать точное местоположение «Баварии»?

– Так точно.

Так я и думал. Между итальянской Виестой и очень неприятным для судовождения местом – Далматийскими островами. В этом месте очень много островов, причем они расположены от берега как бы в несколько слоев, один следом за другим. И очень плотно – на карте промежутки между эти островами обозначены как каналы. Идеальное место для отдыха, здесь курорт мирового класса, вода цвета насыщенной лазури – такого в Крыму не увидишь, вообще нигде не увидишь, кроме как здесь. И здесь практически идеальное место для действий специальных военно-морских сил. Точнее, надводных диверсионных сил и средств, действующих со скоростных лодок, на которых могут быть установлены даже противотанковые ракеты. Для водолазов здесь не лучшее место – дно видно невооруженным глазом метров на тридцать...

– Вопросы, господа...

Я снова поднял руку.

– Попросил бы отслеживать в приоритетном порядке активность «Барбароссы» и «Баварии».

– Это уже делается, сударь, – недовольно сказал Бобров, явно не в восторге от моей активности.

– Особенно меня интересует доставка грузов и личного состава с корабля на корабль, – не обратил внимания на недовольство командира соединения я, – и возможные специальные операции легких сил с опорой на «Барбароссу».

Рим... вечный Рим... как же мы все просчитались...

14 августа 2014 года

Порт-Монтенегро

Монтенегро было давним «непотопляемым авианосцем Империи» на Балканах. Даже без статуса вассала либо протектората Империи судьба этого малого княжества, прозванного за непокорность «Сербской Спартой», оказалась тесным образом переплетена с судьбой громадной Империи там, на Севере.

Все началось с Короля Черногории Николы Первого Петровича. Владелец всего лишь небольшого грязного княжества в самом захолустье Европы – тогда, по воспоминаниям путешественников, на главной улице столицы королевства Шетине в грязи лежали свиньи, а королевский дворец был похож на охотничий домик русских царей – умудрился проправить ни много ни мало шестьдесят лет и приобрести совершенно необычное влияние. У короля было десять детей, из них семь дочерей. Одна из них вышла за сербского короля, другая – за итальянского, третья – за принца австро-венгерского дома Габсбургов, две – за князей дома Романовых. Таким образом Монтенегро стал одним из центров тайной политики континента, чему немало способствовал характер Короля, обожавшего всяческие интриги и умевшего дружить с сильными мира сего. Еще батюшка Александр III, поднимая тост, говаривал: «За короля Николу Черногорского, моего единственного друга...»

Монтенегро так и не стало вассалом Российской Империи, хотя и не вошло в состав Австро-Венгрии, несмотря на все притязания Габсбургов, – независимости способствовал как свобододолюбивый нрав жителей этой земли, так и неблагоприятный рельеф местности, позволяющий занять оборону на перевалах точно по границам королевства и дожидаться подхода русского флота. Жители Монтенегро отличались грозным и неукротимым нравом: они были своего рода европейскими ковбоями. Правда, пасли они не коров, а свиней, которых тут было несчислимое множество, а вместо шестизарядника Кольта они использовали револьвер конструкции Раста-Гассера, который носили заткнутым за кушак. Револьвер здесь был у каждого взрослого мужчины, точнее – два револьвера. Искусство стрельбы «по-македонски», то есть из двух револьверов сразу, родилось именно здесь, и до сих пор сюда приезжали тренироваться, точно так же как в Японию ездили, чтобы тренироваться в бою на мечах. В начале века обычным наказанием, накладываемым судом, было лишение права носить оружие на определенный срок, после чего осужденный переставал показываться на улице. Считалось, что от стыда, но на самом деле в таком краю ходить без оружия было и в самом деле опасно...

Потом – это было где-то годах в шестидесятых – появились реактивные самолеты, сделавшие трансграничные перелеты обычным делом, а деньги у русского «среднего класса» появились в количестве, достаточном, чтобы предпочесть снятой за городом даче полноценный отдых у моря в дальних странах. И так получилось, что на Адриатике – а именно здесь она хороша как нигде – только Монтенегро пускает русских без виз и относится дружелюбно, считая русских защитниками королевства от притязаний Габсбургов. Так буквально за два десятилетия грязные лужи и свиньи сменились гладким как лезвие ножа асфальтом, а в невысоких холмах выросли отели и дорогие дома, где квартиры продавали по цене Крыма. Благодаря ловкому дипломатическому и династическому маневрированию у Монтенегро не было виз с Италией и с африканской Францией, поэтому приехавшие сюда на отпуск русские обычно отдыхали во всех этих трех странах при деликатном молчании, особенно последней. Африканская Франция считала Россию едва ли не главной виновницей своих бед, но вот русские туристы с деньгами для любой экономики были отнюдь не бедствием. Бедствием было их отсутствие...

Когда пришло сообщение о взрыве в Риме – атомном взрыве, – сначала никто этому не поверил. Разгар сезона, полные отели – и тут... Потом, как только о случившемся сообщили все телеканалы, кто-то (можно было поклясться, что хорватские агенты, которым черногорцы перебивали туристический поток) кинул клич, что сюда идет радиоактивное облако. В Монтенегро началась паника, самолеты и теплоходы брали штурмом, направляясь куда угодно, только подальше отсюда. Потом, как только все это уляжется, русскому посольству придется отправ-

лять группу незадачливых туристов из Аргентины, у которых не только не было аргентинской визы – они даже не могли внятно объяснить, каким образом они попали в страну.

В самый разгар сего действия в бухте Бока-Котор, естественном укрытии на побережье Адриатики, стояла яхта с названием «Жемчужина III», порт приписки – конечно же, Одесса. Дополнительно одесскую приписку (или, как говорили любившие все искажать одесситы, «прописку») подтверждал герб одесского яхт-клуба, невероятно наглый и даже вызывающий. Двуглавым орлом там не пахло и в помине, равно как Андреевским флагом: герб одесского яхт-клуба представлял собой пачку денег в спасательном круге и надпись сверху – «Таки да».

Яхта была средних размеров, между тридцатью и сорока метрами, с неожиданно большой для такого размера яхт вертолетной площадкой. Борт был достаточно высоким, надстройки совершенно не содержали следов работы дизайнера, и можно было с уверенностью сказать, что это исследовательское или даже бывшее военное судно (из эскадры обеспечения), ловкими руками купленное (наверное, за бесценок) и переделанное в яхту. Тем не менее на вертолетной площадке порядком и не пахло, здесь стояло несколько шезлонгов, коктейльный столик и некий полубогемного вида субъект втирал нечто очень смешное трем дамам, хохотавшим просто-таки роскошно. И все это – на фоне разразившегося неподалеку апокалипсиса и совсем рядом – паники – тоже выглядело донельзя роскошно. Этаким пир во время чумы...

– Так вот... – Сей субъект подлил дамам коктейля из большого кувшина (апельсиновый сок, щедро сдобренный коварным полугаром¹⁰) и продолжил: – Веня мне и говорит: «А вон это там что такое?» Я смотрю – дыра какая-то. Прямо в дне. И что думаю, так этакое может быть, а, господа хорошие...

Субъект выдержал паузу.

– Ну, я подплыл, посветил туда фонариком. А оттуда как...

– Сань, завязывай с б... – громко посоветовал появившийся на палубе второй яхт-путешественник, – отходим.

Естественно, процесс охмурежа был безнадежно испорчен. В Одессе ходит такой имеющий глубокий смысл анекдот. Вечер, идет по улице... ну, скажем, Александра Четвертого некий субъект и видит: второй этаж, балкон, а на балконе дама скучающая, улицу обзревает задумчиво. Он и говорит: «Девушка, девушка, спускайтесь, погуляем». А девушка: «Ой, сударь, я вас боюсь!» Ну, сударь подумал-подумал да решил счастья попытать в другом месте. А девушка зло посмотрела ему вслед и сказала: «Вот же идиот. Ты так хотел, как я боялась...» Суть этого анекдота, содержащего, как и все одесские анекдоты, большую сермяжную правду: женщины тоже хотят, но положенный ритуал извольте соблюсти. И слово «б...» в этот ритуал никак не вписывалось.

Указанный субъект вынужден был сопровождать дам до принаитовленной к борту яхты лодки с жестким днищем, с двумя необычно мощными моторами. На означенной лодке он доставил их до берега и вынужден был пожелать всего хорошего. После чего он, мрачный как туча, на лодке возвратился на яхту, гордо стоящую на пустеющем не по дням, а по часам рейде, прошел в капитанскую каюту и с кулаками набросился на незадачливого яхт-путешественника. Впрочем, «с кулаками набросился» – это слишком сильно сказано, пара ударов не в счет.

– Ты что, охренел?

– Поступила срочная шифровка. Б... откуда я знал, что они русские! Я думал, они там итальянки какие.

– Думал он... Индюк тоже думал – и в суп попал!

– Смирно!

¹⁰ Полугар – хлебное вино, русский аналог виски, в основном вырабатывался на дворянских винокурнях и дворянами же потреблялся. Крепость примерно 35–37 градусов. Название свое получило от старого русского способа проверки качества спиртного – налитое в мерную чашу и подожженное спиртное должно, прогорев, уменьшиться в объеме вдвое.

Моряки мгновенно выстроились в некое подобие строя.

– Что здесь происходит?

– Беседа, господин капитан первого ранга.

Капитан первого ранга Светляк поправил находящийся несколько не на своем месте небольшой столик.

– Беседовать на Малой Арнаутской будете, с шаромыжным человеком в кабаке. Поступила срочная радиограмма от Нептуна¹¹. Наше текущее задание приостановлено на неопределенный срок. Новая задача – наблюдение и, возможно, экстрадиция. Расклад такой: на тебе – оружие, на тебе – средства движения, на тебе – связь и воздух¹². Вопросы?

– Никак нет.

– Тогда за дело. И уберите срач на третьей палубе. Снимаемся с яшки¹³ через двадцать минут.

...Задание было в принципе простым, потому их и послали только четвертых. Четверка боевых пловцов Черноморского флота, катранов. В их распоряжение выделили яхту. Задача – тихо и мирно взять одного урода, который сначала проворовался, а потом, дабы не нести ответственность, похватал все секретные материалы, какие были в досягаемости его рук, и рванул в румынское представительство, которое также играло роль и австро-венгерского консульства в Одессе. Оттуда его переправили на «новую Родину» вместе с украденными им документами и за несколько месяцев выкачали всю информацию. С деньгами пожадничали, могли дать и больше. За план боевого развертывания в Средиземноморье однозначно можно было дать и больше.

Оставлять такое безнаказанным означало новые предательства, и потому разведка ВМФ взялась за дело. Через несколько месяцев означенного субъекта удалось идентифицировать как раз в Которе – он купил небольшой отель на побережье и принимал туристов (обнаглел вконец). Заодно группа наведения установила его связь с албанскими дилерами – он еще и наркотиками приторговывал. Вот уж воистину подонок – он и есть подонок.

План был прост как три рубля. Ночью тихо выкрасть означенного субъекта, переправить его на яхту и уносить ноги. В случае неприятностей разбираться пришлось бы с авиагруппой и группой безопасности одного из русских авианосцев, того, который окажется ближе. Специальный позывной и конверт, который следовало открыть по получении условного сигнала, командирам авианосцев были заблаговременно вручены. Означенный субъект должен был быть переправлен в Севастополь, где и повешен. Если тихо выкрасть не представлялось возможным – катраны должны были просто пристрелить урода, а потом опять-таки уносить ноги. На край, если морской путь отхода будет перекрыт, – у каждого был чистый паспорт и билет на самолет в какой-нибудь русский город с открытой датой: из Цетине только в Киев было три рейса в день.

Но что-то произошло – и предателю еще оставалось немного пожить. Хотя... дураку понятно, что именно произошло. Вон, все ноги уносят от греха...

Пока командир четверки, капитан первого ранга Светляк, он же Светлый, известная личность среди катранов, правил в Адриатику, остальные катраны тоже были заняты своим делом. Саня, он же Александр Машук, занимался оружием. Оно, конечно, было не русским, в операциях за пределами Империи русское оружие использовалось очень редко. Поскольку чего ждать и на что надеяться было непонятно, он выбрал стандартный набор вооружения из числа того, что было в секретном отсеке яхты. Две автоматические винтовки, легкий пулемет и снайперская винтовка. Автоматические винтовки – «беретта», обычные для русских боевых плов-

¹¹ Нептун – это не конкретный позывной, а общий термин, обозначающий командование. Он применяется по всему флоту.

¹² Акваланги.

¹³ Якоря.

цов за рубежом. Полупластиковые (в насыщенной морской солью и приморской среде это очень важно), с керамическим покрытием ствола (приспособлен к длительной стрельбе очередями и меньше ухода требует) – и механизм почти полностью повторяет схему знаменитого Калашникова, почти один в один. Винтовка эта выпускалась большими сериями в шести разных калибрах, но эти были под итало-швейцарский, шестимиллиметровый, горный. Наверное, наилучший выбор – и итальянцы, и швейцарцы живут в горах и знают, что делают, когда выбирают боеприпас.

Пулемет – обычный штурмовой «Миними» под тот же патрон, а вот винтовка была совсем новой, недавно поступившей на ограниченное вооружение. Тяжелый «кольт» под патрон 300 Winchester Magnum. Более мощная, чем любые ее европейские собратья, с титановым ресивером, с емким магазином на четырнадцать патронов и спорной, но обеспечивающей высокую точность системой газоотвода Юджина Стоунера. Она позволяла вести и беглый огонь на дистанции автоматной стрельбы, и делать дальние выстрелы за тысячу метров с использованием тяжелой пули на двести пятьдесят гран, и бороться с бронированными автомобилями, используя тяжелую, бронебойно-зажигательную пулю. Вооруженная таким образом группа могла выполнять самые разные задачи, создавая как плотный огонь на ближней и средней дистанции, так и выборочно поражая цели до полутора тысяч метров. На всякий случай к этому набору был добавлен короткий, в транспортном положении разбирающийся на две части реактивный гранатомет, способный за счет прицела с баллистическим вычислителем сбивать даже вертолеты.

В это же самое время капитан третьего ранга с роскошной фамилией Лермонтов, известный остряк и повеса (среди своих – Поручик Ржевский), занимался подводным средством движения, которое должно было доставить их к берегу и потом обратно на яхту. Ни много ни мало – ту самую лодку с жестким днищем он должен был переоборудовать в небольшую подводную лодку.

Для этого первым делом он притащил на палубу из трюма малопонятный набор труб и начал собирать их одному ему известным образом. Получившееся сооружение – оно напоминало каркас жесткости, как у внедорожников, участвующих в ралли-рейдах и гонках на выносливость, – он присоединил к лодке и намертво закрепил болтами и зажимами.

На этот каркас он навесил рули глубины и рули направления. А также двигатели, позволяющие двигать сей аппарат в водной толще. Двигателей было шесть, и в их качестве использовались немного модифицированные флотскими мастерскими туристические подводные тягачи для дайверов. Присоединенные соответствующим образом к каркасу, они тянули все это сооружение вперед и позволяли маневрировать с их помощью. А при необходимости боевой пловец мог отстегнуть их и использовать в качестве индивидуального транспортного средства, совершенно бесшумного и не дающего пузырей. На всякий случай он поставил на подзарядку все шесть от бортового дизель-генератора.

Тем не менее на таких вот двигателях далеко не уйдешь. Их лодка была хороша тем, что большую часть пути она могла проделать в полупогруженном положении, всего метр под поверхностью и на обычных моторах. Для того чтобы обеспечить возможность подводного хода на обычных лодочных моторах – они снабжались специальными шнорхелями, через которые одновременно и забирался воздух, и отводились выхлопные газы. Двигатели могли работать лишь на две трети мощности, но этого хватало.

Сама лодка также была необычной. Жесткое днище было обычным, а вот половина понтонов при необходимости могла принимать воду, заменяя ей воздух, – таким образом достигалась нейтральная плавучесть лодки. Если же требовалось всплыть – вода быстро вытеснялась опять-таки гениально простым способом: с помощью заряженных аквалангистских баллонов, которые одновременно могли служить и резервом смеси для экипажа. Суть всех этих деталей была в том, что почти каждая из них имела двойное предназначение: никто, например, не

подумает, зачем нужен на дорогой яхте запас подводных транспортировщиков или заряженных баллонов для акваланга. Но собранные вместе, эти детали превращали самую обычную лодку в многофункциональное средство доставки, характеристиками не уступающее специализированным малым подводным аппаратам мокрого типа.

Последним штрихом был навигатор в исполнении для дайверов – подводный. Он выведет их к цели.

Пока решался вопрос с оружием и лодкой, третий катран, капитан третьего ранга Вильниченко (среди своих Вилка), занимался самым простым вопросом – вопросом дыхательной смеси. Поскольку они не собирались уходить на глубину, нужды в специальной, обогащенной азотом смеси не было. Это значило, что Вилка заправил все баллоны простым, правда, очищенным, атмосферным воздухом на максимальное давление.

Разобравшись с баллонами, он вышел на палубу. На специализированном дайверском сайте он скачал карту дна и течений в районе цели, отметив знак «частная собственность», – это вызывало еще больше желания посетить означенное место с неофициальным визитом. Затем он скачал обычную спутниковую карту общего доступа и с помощью специальной подпрограммы наложил одну на другую. Примерно прикинул – нужна будет маскировочная сеть, там, где они затопят лодку, глубина около десяти, а прозрачность тут – до тридцати. Нехорошо будет...

Напоследок он зашел на сайт, который вела группа энтузиастов, и посмотрел расположение ударных авианосных группировок ВМФ в зоне Средиземного моря. Оно не радовало...

Хорватия

Генералу Анте Младеновичу было не впервой убегать.

Он не считал это чем-то постыдным или проигрышем, потому что у него давно не было армии, точнее – он давно не был в армии, армия-то у него была. Младенович был стар, циничен, он много повидал на своем веку. В прадеда, деда и отца – в нем было сильнее, почти животное желание жить. Именно оно предупреждало его о том, что пора сматывать удочки...

О том, куда направиться, он еще не решил. Латинская Америка... возможно, там его знают, но часто не с лучшей стороны, и там у него много врагов. Африка... нет, Африка не пойдет. Слишком много немцев – а у немцев наверняка теперь будет к нему масса неприятных вопросов. Остается только Индия... да, наверное, это наилучший для него выбор. Англичане умеют быть чрезвычайно забывчивыми, когда им это надо, – все банки и финансовые корпорации, в названии которых есть слово «Гонконг» или «Шанхай», произошли от доходов, связанных с поставками опиума, с наркоторговлей. И владельцы этих компаний принимают в свете и не задают ни единого лишнего вопроса. Деньги половины аристократов Англии сделаны на наркотиках и крови – и ничего. В конце концов, у него белая кожа. И возможность собрать под свое знамя армию наемников в пять тысяч человек в течение одного месяца. Не может быть, чтобы англичане не заинтересовались бы этим. Сам он может купить титул. Граф Бирманский... звучит? Тем более что титул этот, кажется, свободен...

Да, граф Бирманский.

Сейчас возможный будущий граф Бирманский, надев полную полевую форму, занимался тем, что сваливал деньги из огромной сейфовой комнаты у себя в кабинете в мешки. Мешки для мусора. Следовало насыпать денег в мешок, завязать горловину, затем поверх надеть второй мешок и снова завязать. Затем все это следовало положить в прочную сумку или рюкзак – у него было и то и другое – и подготовить к транспортировке.

На столе лежал автомат и разгрузка с торчащими из нее магазинами. Для такого случая у генерала был «козий рог» – так называли автомат «АК» в местах оных. С ним он познакомился еще в Легионе – и не считал необходимым менять его на что-либо.

Едва слышный рокот вертолетных лопастей привлек его, он завязал предпоследний мешок, бухнул его в большой егерский рюкзак. Взял автомат, подошел к окну.

Вертолет был небольшим, обтекаемым, элегантным – словно игрушка, правда, игрушка, стоящая очень дорого. «А109 Аугуста», итальянское производство. Генерал хорошо знал, кто летал на таком вертолете...

На столе рядом с автоматом рубиновым огоньком замигала рация.

– Пропустить, – бросил генерал в рацию.

И занялся последней партией денег. Надо было успеть...

Бывший примас Хорватии, бывший кардинал коллегии кардиналов Римской Католической церкви, кардинал Франко Коперник был напуган. Генерал хорошо это понимал – он, как собака, чувствовал чужой страх...

– Мир тебе, Франко! – поприветствовал он гомосексуального педофила и возможного хорватского претендента на папскую тиару. – Что-то у меня куда-то завалился дозиметр. Случайно не видишь?

– Господь да покарает тебя за твои шутки!

– Как покарал тебя? Хотя нет, тебя-то он не покарал...

– Помолчи! Молчи, не гневи господа!

Выпученные глаза, быстрая речь, нервное, постоянное движение рук. Да он сумасшедший! Генерал хорошо знал Коперника и считал его просто ревностным последователем Святой Церкви. Но теперь он понял, что Коперник – настоящий псих. Как те ребята, которые жгли людей на кострах Инквизиции.

– Мне было видение. Видение!

– Чего...

– Выслушай меня! Сам Господь явился ко мне! Сияющий! В окружении ангелов. И знаешь, что он мне сказал?!

– «Франко, завязывай с кокаином»?

– Нет! Он сказал мне: «Франко! Великое зло поселилось в Ватикане, се, спалю город огнем! Кара Господня! Кара Господня!»

– Ага.

– Он сказал мне: «Франко! Новый Град мой оснуй на политой кровью земле! Там, где любят меня! Там, где помнят меня!»

– Только не у меня дома.

– Аграм! Вот где будет новый храм! Вот где будет...

Коротко хохотнула автоматная очередь, первосвященник упал сначала на колени, а потом – на пол, вперед. В кабинет ворвались вооруженные охранники.

Генерал опустил оружие.

– Убрать, эксцелленц? – осведомился один из охранников.

– Не надо. Пусть лежит. Разберитесь с остальными. Только вертолет не повредите, он еще пригодится.

– Есть.

Вечер 14 августа 2014 года

Средиземное море

Ударный авианосец «Николай Первый»

– Доброй удачи, пираты!

В этом сумрачном мире всегда желали друг другу только удачи. Но, в отличие от адмиральского салона, здесь, в тесном и душном складе на второй палубе, я был королем, почти равным Его Величеству, хотя так нехорошо говорить. Просто в мире специальных сил я был леген-

дой. Первый офицер флотского спецназа, которому присвоили адмиральское звание. Пусть к тому моменту я был не спецназовцем, а дипломатом, послом, – все равно это ценно, до этого «капитан первого ранга» было потолком. Многие знали, что я с детства знал Его Величество и всегда использовал свою дружбу, когда это было нужно для получения флотом чего-то необходимого. Знали о том, что моему деду в конце концов присвоили звание «генерал-адмирал» – высшее звание на флоте, аналог армейского «фельдмаршал», до дедушки генералом-адмиралом был Александр Колчак¹⁴. Знали про мое пребывание на посту Наместника Персидского, как мы умирляли взбаламученный кровопролитной гражданской войной край. Наконец, знали, что, несмотря на возраст, я вновь был принят на действительную службу для того, чтобы найти и убить генерала Абубакара Тимура, злейшего врага Империи. Только такие заслуги здесь и принимались – и никакие другие...

В помещении, которое наверняка раньше использовалось для хранения боеприпасов, горел насыщенный красный свет. Никакой другой не годился – по причине того, что белый свет может вывести из строя матрицы приборов ночного видения. По потолку гулко бухало: сапоги, цепи техников, цепляющих к палубе самолеты, механики со своими причиндалами, но здесь на это всем было плевать. На одной стороне летучими мышами распластались армированные комбинезоны для подводного плавания, у другой стены в рядок было составлено самое разнообразное оружие. «Морские котики» лежали на спальных мешках, читали на экранах наладонников или что-то писали там же...

– Адмирал на палубе, встать! – запоздало заорал кто-то.

Через пару секунд передо мной стоял небольшой строй молодых, но много повидавших людей.

– Вольно, пираты.

– Вольно! Рады вас видеть, господин вице-адмирал!

– Я тоже рад вас видеть. Все целы?

– Так точно!

– Боевые задачи?

– Пока – давить на массу.

– Вот это хорошо...

Я поманил пальцем командира – того самого сибирского паренька, группа которого неплохо отработала на Сицилии, выручила меня из большой переделки. Отошли в сторону.

– Группа боеготова?

– Так точно.

– Знаешь, что в Риме произошло?

– Так точно, доводили... – насторожился парень.

Им нельзя врать. Вообще своим солдатам нельзя врать, но этим – в особенности. Они умны. Они как морские пехотинцы, только очень умные. Они умеют анализировать информацию и делать выводы, потому что именно этим и приходится заниматься за линией фронта, на тысячу километров от своих. И они четко чувствуют ложь, как и все достаточно честные люди. Врать им нельзя...

– За этим как-то стоят немцы. Я сам не знаю как, но стоят. Один урод из них приказал меня списать как ненужного свидетеля, и если бы не другой немец, честный человек, меня бы не было в живых. Сейчас они заматают следы, прикрывают свою ж...

Даже при таком свете было видно, как нехорошо прищурился «тюлень».

¹⁴ В отличие от нашего мира звания «фельдмаршал» и «генерал-адмирал» могли присваиваться и в мирное время, правда, для этого нужно было быть действительно выдающимся человеком. Например, деду князя Воронцова это звание было присвоено в возрасте семидесяти семи лет после пятидесяти трех (!) календарных лет службы на Флоте, причем начинал он юнгой, а закончил начальником Морского Генерального штаба, доктором военных наук, автором нескольких научных трудов по теории комбинированных (воздушно-морских или сухопутно-воздушно-морских) операций.

– Так вот почему они так заворошились...

– Да. Есть один человек, который может много знать. Очень много знать про все это. Может, есть и другие, но я знаю только этого. Немцы захотят его похитить или убить. Они уже обвинили нас в том, что мы выпустили из рук ядерные материалы в Персии, скрыли от международного сообщества незаконные ядерные исследования и то, к чему они привели. Они могут потребовать международного суда над нами и выплаты значительных компенсаций за нанесенный вред. А нам только этого не хватало сейчас. Этот человек не может не знать, что произошло. И он – неподалеку от нас.

– Где конкретно?

– За Рагузой, самая граница Монтенегро. Я говорю вам это потому, что хочу высадиться там. Вместе с небольшой группой. Но, возможно, придется столкнуться с немцами. С превосходящими силами немцев.

– Немцев... А мы готовы, господин вице-адмирал. Только скажите. Немцы так немцы...

Авианосная группа «Барбароссы»

ТДК «Бавария»

– Господа, внимание...

Ответственный за планирование оперативный офицер хлопнул в ладоши. На «Баварии» был поднят штандарт командующего эскадрой, старший по званию эскадры, коммодор¹⁵, барон Людвиг фон унд цу Зинненберг прибыл на «Баварию» для оперативного совещания. «Бавария», в отличие от «Барбароссы», была спущена на воду всего шесть лет назад, и у нее был намного лучше оснащенный оперативный центр. Так что совещание было уместно провести именно здесь, а не на «Баварии», построенной еще под самолеты с взлетной массой 10–12 тонн.

Все собрались вокруг стола. Стол представлял собой экран, причем экран, которым можно было управлять мануально, руками. Как коммуникатор, только с экраном четыре метра на два.

– Господа, последние снимки цели. Как видите, активное движение.

На экране и в самом деле было видно активное движение охраны. Это была запись, полученная с беспилотника.

– Они могут смотреться в любой момент, – сказал один из офицеров.

– Господа, я вижу вертолет. Мы можем вывести его из строя? – поинтересовался капитан, коснувшись соответствующего места на экране, чтобы увеличить.

– Можем, герр коммодор. Беспилотник вооружен.

– Тогда они уйдут на машинах, – сказал Ирлмайер, – прямо сейчас. Удар по вертолетной площадке – и они уже в пути. Мы никогда их не найдем. Надо направить подразделение десанта прямо сейчас.

– Площадка не зачищена. Там могут быть ракетные установки. Это территория третьей страны, у нас нет приказа...

– Господа... – Ирлмайер старался сдерживаться, но получалось плохо. – Я, генерал-лейтенант сил полиции, начальник четвертого отдела РСХА, приказываю вам провести высадку немедленно. В качестве гарантии я намерен лично присутствовать в первом вертолете, который пойдет к цели. Мои полномочия должны быть вам известны. Кто-то не понимает смысла слова «немедленно»?

В русском флоте человека, столь оскорбительным образом посмеявшегося разговаривать с мореманами, скорее всего, послали бы на три всем известные, особо не стесняясь присутствия

¹⁵ Коммодор – капитан первого ранга, занимающий адмиральскую должность. В британском и североамериканском флотах это звание было официальным, в остальных – неофициальным. Барон Зинненберг был в звании «капитан цур зее», капитан первого ранга, но многие при обращении к нему употребляли звание «коммодор».

командира ударного соединения. Тот факт, что он принадлежал бы... скажем к МВД, лишь прибавило бы презрения – в армии недолюбливали «шпики» и считали, что сам факт того, что шпики носят офицерские погоны и имеют звания как у них, есть позор военного сословья. Но не в Германии – в Германии было принято подчиняться, а спецслужбы любили, а не презирали, как в России. Все-таки Германия есть Германия.

– БПЛА может остаться у цели и нанести удар, если только мы увидим угрозу для вертолетов, – перевел разговор в деловое русло один из офицеров...

Вертолет...

Это был «мессершмит», лицензионный русский «Сикорский», способный перевозить шестьдесят бойцов со всем снаряжением на расстояние в полторы тысячи километров без дозаправки. Рабочая лошадка специальных сил и военно-морских соединений, намного превосходящий по популярности «СН-46 Боинг-Пясецкий»¹⁶, – эти вертолеты всегда оказывались там, где начиналось полное дерьмо. Они вывозили беженцев в безопасную зону, доставляли к цели ударные отряды морской пехоты, перевозили бронетранспортеры и гаубицы. Морские пехотинцы звали его «тюлень», в Рейхсвере – «старая тетушка». Вот и сейчас морские пехотинцы с «Баварии», многим из которых не было и двадцати пяти, привычно готовились к бою, обмениваясь всякими шуточками. В отличие от них Ирлмайеру было совсем не смешно.

Чертовы ублюдки – откуда у них бомба? Они что – подорвали сами себя? Господи, поверить невозможно...

В кармане задержался телефон, необычный – спутниковый. Ирлмайер посмотрел – Хайсслер! Чертов сукин сын, нашелся-таки.

– Ирлмайер на связи!

– Герр генерал, это Хайсслер.

– Черт бы тебя побрал, где ты?

– Мы уже в Германии. Путь отхода не сработал.

– Знаю, тут черт-те что творится. В Риме взорвали... неважно. Задание выполнено?

– Не совсем, герр генерал.

– То есть? Что с бароном?

– На том свете...

Хоть что-то хорошее.

– А второй?

– Он сбежал, герр генерал.

– Что?! Как он мог сбежать?

– Начался бой, герр генерал. Итальянцы послали полный десантный батальон, чтобы захватить объект. Они десантировались на парашютах, мы вынуждены были принять бой, и мне нужен был каждый человек, способный держать в руках оружие. Их было всемеро больше, чем нас. Второй человек сражался с нами, а потом ушел.

– Что значит – ушел?! Ты его упустил?

– Герр генерал, там была полная неразбериха. Мы вынуждены были...

– Убирайся из Швейцарии, живо...

– Есть...

С тоской Ирлмайер подумал, что, скорее всего, Хайсслер просто смотрел в другую сторону, когда русский уходил. Он такое не раз видел в Африке. Для тех, кто ставит свою жизнь

¹⁶ Знаменитый «летающий вагон» спроектировал и построил гениальный американский конструктор Франк Пясецкий. Первоначально у него была своя фирма, затем ее выкупил «Боинг», но все североамериканские вертолеты с двумя несущими винтами, включая и последний «Боинг СН-46», – его детища. В СССР были проекты у Миля, был «Як-24», но эта схема развития не получила.

на кон в скоротечном бою, враг ближе и роднее, чем тот, кто отдает приказы. И учитывая то, как они облажались, как облажался он сам, можно было это даже понять.

Он увидел неотвеченный вызов, набрал сам. Это оказался Зинненберг.

– Герр генерал-лейтенант, – сказал он, – хотелось бы предупредить, что русские поднимают самолеты в воздух...

Яхта бросила якорь примерно в тридцати морских милях от побережья. Командир группы включил автопилот, они бросили оба якоря, чтобы яхта оставалась на месте. И включили маяк, сигнализирующий об оставленной яхте, хотя это было и опасно. Первоначальный план, связанный с перебежчиком, был в том, что трое отправляются на охоту, четвертый – ждет их на яхте, троих на земле было вполне достаточно. Но теперь на земле был нужен каждый, и яхту пришлось оставить на произвол судьбы.

Надев гидрокостюмы – обычные, дайверские, хотя и черного, а не весело-яркого раскраса, – они погрузились в спущенную на воду лодку, переделанную в мини-субмарину. Поручик стравил воздух из балласта, и лодка погрузилась, зависнув примерно в метре над поверхностью. После чего были отданы швартовы и запущены двигатели. Мини-подлодка с ускорением пошла к берегу...

Примерно в двух морских милях сонар показал препятствие впереди. Остановив лодку, двое боевых пловцов выбрались из нее и... едва не погибли. Только вовремя замеченная мертвая рыба предупредила об опасности...

Паутина!

Одно из средств противодействия подводному проникновению на объект. Невидимая паутина из тонкой, но прочной лески. Ее опасность заключается в том, что, попав в эту дрянь, человек запутывается в ней напрочь и даже ножом, скорее всего, не выпутается. Кислород заканчивается, и дайвер гибнет – если уже не погиб из-за паники. Дешевое и действенное средство, но попавшая в паутину и погибшая рыба выдает ее присутствие. На военных базах эти штуки устанавливают в паре с ультразвуковым отпугивателем рыбы, но тут отпугивателя не было...

Бороться с этой штукой можно было разными способами, один из них – просто обойти, если есть где. Но пловцы поступили проще: эта сеть, паутина, держится на поплавках, имеющих нейтральную плавучесть и находящихся у самой поверхности воды. Они поднялись и нашли их, а потом четыре из них уничтожили. Сеть легла на дно, и можно было пройти. Место пролома они обозначили маяком, чтобы пройти обратно.

Но теперь двигаться вперед было опасно. Они построились клином. Впереди один из пловцов, в паре метров от него – другой, у обоих электрические подводные скутеры. И только за ними уже идет сама мини-субмарина. Если кто-то догадался насчет паутины – может, он догадался и насчет чего другого. А опасностей для боевых пловцов было достаточно, включая даже миниатюрные морские мины, срабатывающие на человека.

Примерно в восьми кабельтовых от берега они бросили субмарину, накрыв ее сетью. Сеть делала ее похожей на кусок морского дна, по крайней мере, человек, который смотрел в воду, не сразу понимал, что «там что-то есть»...

Остаток пути они проделали на ластах. Никаких мер безопасности больше не нашли. Скорее всего, их и не было – это все-таки жилище богатого человека, а не защищенная база ударных подлодок...

Всплыли одновременно, держа наготове подводные пистолеты. У самого причала стояла моторная яхта, около нее были слышны голоса. На горизонте было свечение – отсвет окон виллы. Ночь, а все окна горят.

Есть движение...

Не сговариваясь, они погрузились – и вынырнули, проделав примерно четыреста метров под водой. Здесь было потише...

Белый песок. пляж был узким, всего несколько метров – и заросли. Посреди пляжа – какое-то сооружение, похожее на оборонительную огневую точку.

Двое оставались в воде. Двое, распаковав водонепроницаемые мешки с оружием, побежали вперед, по песку.

Луч фонаря пробежался по самому строению, заглянул внутрь. Циновка, брошенные полотенца, шкафчик. Один из катранов сунулся внутрь, открыл один из шкафчиков – там оказался женский купальник, еще чуть влажный.

Вот черт...

Это напомнило ему, как он днем обломался. Служба есть служба, но такие вот обломы, когда тебя бросают с одного задания на другое, не способствуют крепости духа.

Вернувшись, показал – чисто. Ничего нет.

Двое других катранов тоже распаковали свое оружие. Собрались около беседки...

– Здесь чисто, ничего нет. Раздевалка...

Один из катранов достал телефон спутниковой связи, набрал номер...

Четверо русских спецназовцев заняли позицию, которую они сами посчитали наиболее выгодной. Одновременно она позволяла и перекрыть огнем дорогу, и обстреливать виллу. С весьма ограниченным полем обстрела, кстати. Но зато была видна вертолетная площадка и была под обстрелом дорога. Им приказано было наблюдать и перекрыть пути отхода – таким образом они перекрывали все пути, кроме пешего. Да... когда они всплыли возле яхты и услышали голоса, то, перед тем как искать другую точку высадки, они оставили в районе кормы, недалеко от винто-рулевой группы подарок. Так что тот, кто захочет смыться на яхте, уплывет недалеко...

Ворота были закрыты. Но было видно, что на вилле горит освещение, и было видно движение – даже их ограниченного угла зрения хватало, чтобы это понять.

Один из спецназовцев достал водонепроницаемую видеокамеру гражданского стандарта и начал снимать все, что представлялось ему интересным. Второй достал спутниковый телефон. Еще десять лет назад представлявший собой небольшой кейс с аппаратурой – сейчас спутниковый телефон был размером примерно как полтора мобильных. Более того, первым делом он искал возможность соединить абонентов дешевой мобильной связью, и только если покрытия не было, переходил на спутник. Да и цены... сто минут разговора по спутнику можно было купить за девяносто девять рублей при немедленной оплате, пять лет назад было в десять раз больше.

– Алло... – сказал он, когда телефон подключился к набранному номеру, – это Светляк. С кем я говорю?

– Люди Саламом прокликали.

– Хорошо, Салам, мы на месте. Работаем на вас?

– Так точно, на нас. У вас хорошая позиция? Что происходит?

– Позиция лучше некуда. Происходит активное движение в адресе, свет горит во всех окнах. Стоп!

– Что? Докладывай!

Капитан не был уверен – но, кажется, это были выстрелы.

– Ничего такого. Морской путь мы перекрыли, яхта никуда не поплывет. Дорога перекрыта. Вертолет под прицелом.

– Отличная новость, мы готовим десантирование.

– Когда ждать?

– В пределах трех часов.

- На рассвете?
- Так точно, а что?
- Да ничего. На моих глазах человек горизонт потерял, воды нахлебался. И двадцать человек с ним.
- Такого не будет. Пойдут профи.
- Надеюсь. Аллах с тобой, брат.
- Господь с нами. Я христианин...

Ирлмайер сидел у самого иллюминатора, и за сорок с лишним лет он первый раз увидел удар беспилотника вблизи. Просто недалеко от вертолета пронеслось что-то вроде кометы... это было как футбольный мяч, только пылающий и немного побольше – работа ракетного двигателя. Все взорвалось где-то внизу.

Рядом был Секеш, молчаливый и сосредоточенный. Как и всегда...

Наверное, по вертолету долбанули.

– Три минуты готовность! Зарядить оружие!

Морские пехотинцы встали, и Ирлмайер встал вместе с ними. У него не было никакого оружия... черт, у него вообще не было никакого оружия, даже пистолета! Он оставил все в Берлине, а сейчас готовился высадиться на враждебной территории с голыми руками!

Вертолет внезапно шатнуло – он не удержался, но опытные в таких делах морские пехотинцы удержали генерала контрразведки.

– Противодействие! – крикнул кто-то.

Ирлмайер понял, что по ним стреляют. Почему-то стало страшно, хотя он видел мятежи черных в Африке, а страшнее этого мало что может быть.

– Садимся! – заорал старший офицер. – Посадочная площадка горяча как блин на сковороде! Пулеметчикам – приготовиться!

Начала открываться аппарель – и стало видно, что по ним ведут огонь трассирующими, и по огневым точкам – кто-то тоже ведет огонь...

Это было настоящее пиршество адреналина. Морские пехотинцы – чертовы сукины дети, они существуют для того, чтобы высаживаться на необорудованный берег, вести бои в окружении и на прижатых к воде плацдармах, против превосходящих сил противника. В отличие от Рейхсвера окоп для них – роскошь, а не обычное дело. Так что живут они по принципу «если умирать, то умирать весело»...

Вертолет ударился оземь, удар отдался во всем теле, и Ирлмайер подумал, что они потерпели аварию, все-таки удар был очень сильным. Но потом морские пехотинцы побежали вперед, через десантную аппарель, и стали высаживаться через оба боковых люка, и Ирлмайер понял, что это была такая посадка.

– Построение клином!

– Бегом, чертовы дети! Бегом! Занять позиции!

Как оказалось, пилоты вертолетов, понимая, что каждая минута в воздухе может означать смертельную опасность, решили пойти на риск и просто посадили машины на необорудованные площадки. А лучшая необорудованная площадка – ведущая к вилле дорога. Зато теперь сбить вертолеты было никак невозможно, и шестьдесят морских пехотинцев Кригсмарине были на земле и сражались...

Рядом кто-то плюхнул на землю что-то тяжелое.

– Проверь наименьший прицел.

– Есть.

– Осветительный!

Понк – есть накол. С хлопком вылетает мина. Пулеметчики ведут огонь, прикрывая вертолеты и развертывание.

– С дороги, герр генерал!

Ирлмайера весьма невежливо отодвинули в сторону. Мимо пронесли какую-то дрянь, сильно похожую на автоматический гранатомет...

Конечно же, граничары долго не сопротивлялись. Это были наемники, в основном прошедшие Иностраннный легион, а теперь работающие за деньги. Человек, работающий за деньги, не торопится умирать, он мыслит совершенно по-другому. Ему надо остаться в живых, чтобы зарабатывать и дальше, для него время – деньги...

После того как установленный на сошки автоматический гранатомет изрыгнул первую порцию гранат, со стороны противника взвились одна за другой три белые ракеты. На международном «арго» наемников и солдат удачи это предложение выйти и поговорить...

Морские пехотинцы уже заняли достаточно устойчивые позиции, перезарядили свое оружие и готовы были стрелять. Автоматический гранатомет был нацелен на виллу, готовый выколотить осколками все, что будет в радиусе трехсот метров перед ним. Вертолеты оставались на земле, но турбины вращались на холостом ходу.

Ирлмайер, до этого остро ощущавший свою ненужность, понял, что пришло его время. Время разговора, который многое прояснит.

Один из сержантов морской пехоты постучал ему в грудь, проверяя, на месте ли бронежилет. Бронежилет был на месте.

– Все будет в порядке, герр генерал. Хайнц и я пойдем с вами. Если что – просто падайте на землю и предоставьте нам делать свою работу.

Ирлмайер вопросительно посмотрел на сержанта:

– Пистолет есть?

– Конечно, герр генерал.

Сержант протянул семнадцатизарядный «вальтер» с выступающим вперед стволом с нарезкой под глушитель. Пистолет этот отличался дорогим покрытием, которое испытывалось сотнями часов в солевом тумане, от этого покрытия пистолет был шершавым.

Ирлмайер сунул пистолет за ремень.

– Оставаться на месте.

– Но... герр генерал, по правилам с каждой стороны идут по трое.

На сей раз начальник Гестапо взглянул так, что много чего выдавший в Африке сержант морской пехоты отступил на шаг.

– Правила устанавливаю я. Убьют – стреляйте...

По правде говоря, Ирлмайер предпочел бы, чтобы его пристрелили. Если его сейчас пристрелят – он уйдет героем. Если останется в живых – останется жить неудачником. «Неудачник» – самое страшное для него слово. Неудачник.

Вертолеты появились со стороны моря.

Для бойца военно-морского спецназа вертолет – самый страшный враг: на вертолете может быть погружная ГАС¹⁷, которую не обманешь, и чтобы убить его – достаточно будет бросить в воду несколько гранат. Подводный взрыв – страшная штука, все видели, что бывает при несчастных случаях. Один раз какой-то придурок дайвер решил исследовать днище крейсера... он не знал, что по правилам каждые полчаса с борта бросают несколько гранат. Когда его вытащили и разрезали акваланг, кровь текла из всех отверстий тела...

¹⁷ Гидроакустическая станция. Обычно применяется для борьбы с субмаринами, но последние модели могут выслеживать и боевых пловцов.

Они уже думали, что все обойдется и им останется только встретить десант и навести его на цель, как вдруг они услышали вертолеты. Низкий, почти на грани слышимости рокот, какой издают только большие и тяжелые машины.

– «Сикорские»... – определил Поручик, – морпехи, мать их.

Морпехи были второй волной высадки, они закреплялись на берегу, когда «морские котики» уже отбили плацдарм. Однако в последнее время морские пехотинцы создали свои части специального назначения, уже в Персии проявившие себя. В отличие от обычных частей, они перемещались налегке и каждая часть морской пехоты могла быть перемещена на любое расстояние после двадцати четырех часов сборов. В отличие от парашютистов, они прекрасно чувствовали себя на воде и лучше умели десантироваться с вертолетов. А в отличие от «морских котиков», их было просто много, целые чертовы батальоны морских пехотинцев, которые возомнили, что шесть месяцев тренинга помогут сделать из них диверсантов¹⁸. Поэтому отношения между «морскими котиками» и морскими пехотинцами были неважными.

– Включить приводной маяк?

Светляку что-то не нравилось.

– Нет, не надо.

Он снова набрал номер, рискуя, что кто-то его засечет.

– Салам на приеме.

– Салам, это Светляк. У нас есть развитие, повторяю: есть развитие.

– Слушаю.

– Слышу два вертолета типа «Сикорский – восемьдесят», идут с запада, повторяю: два вертолета с запада. У них есть наши позывные или что-то в этом...

– Светляк, наши только собираются взлетать, повторяю: только собираются взлетать!

Черт...

Впереди словно падающая звезда, ракета прочертила небосвод и ударила в стоящий на площадке изящный гражданский вертолет. Тот исчез в огненном облаке, полетели во все стороны куски.

– Ложись!

«Морские котики» накрылись маскнакидками и замерли...

Вертолеты были все ближе, они уже оглушали грохотом. Ветер от лопастей старался вырвать накидки, свистели пули – со стороны виллы вертолеты подвергались обстрелу. У морских спецназовцев существовала своя процедура инициации, аналогичная тому, как у парашютистов и в пехоте новобранцев кладут под БТР или танк¹⁹. У них это делается так: новобранцам завязывают глаза, причем так, что сразу не развяжешь, – и скидывают с вертолета с высоты несколько метров в воду, да еще ночью. Пусть руки свободны – связывать слишком опасно, – но нужно не травмироваться при контакте с водой, всплыть, сорвать с себя мокрый колпак, продержаться на воде пятнадцать минут и дожждаться, пока на дежурящих поблизости лодках включают маяки и начнут собирать новобранцев. На самом деле это не так опасно: у каждого курсанта есть радиомаяк, а в воде, на глубине нескольких метров, дежурят инструкторы. Но все равно трудно не впасть в панику, когда тебя просто выбросили в воду с завязанными глазами черт знает где. Кто впал в панику – спецназу не нужен.

¹⁸ На самом деле, конечно, не могли, но это было не важно. Для локальных конфликтов не нужно уметь ставить маяк на вражескую подводную лодку в арктических льдах, не нужно уметь проникать через восемь рубежей охраны главной базы противника. Нужно просто уметь хорошо стрелять, сохранять боеспособность, почти не спав несколько суток, не утонуть в болоте и не упасть с вертолета при десантировании, вести бой в помещениях, что обычные солдаты делать умеют плохо. Так что создание «полупрофессионального» спецназа морской пехоты, в общем-то, было оправданно.

¹⁹ Естественно, не под гусеницы. Надо просто пропустить машину над собой, ее клиренс это позволяет.

«Дорога, – вдруг понял Светляк, – они садятся на дорогу. Больше им просто некуда сесть».

Вертолеты сели, судя по грохоту, где-то рядом с их головами, а потом – покати́лся шквал огня, несколько пулеметов и штурмовые винтовки. Огонь вели в сторону виллы, значит, от них. Теперь главную проблему представлял экипаж вертолета. Точнее – посадочная группа безопасности. Если эти уроды, кто бы они ни были, знают свое дело – они обязательно будут. Три или четыре бойца, которые при любом раскладе останутся у вертолета и будут защищать его, пока он на земле. В штате вертолетного полка таких групп нет, но любой командир, который прошел через локальный конфликт и совершал посадки в местности, которая неизвестно чья, не полетит, пока не договорится о группе безопасности, пусть и временной.

Связи нет. Только идиот будет рисковать сейчас со связью. Два неизвестных вертолета сели почти что им на головы. Здорово...

Трое граничар – сходились всегда по трое, тоже обычай «джентльменов удачи» – с удивлением смотрели на подходящего к ним человека. Одного...

– Здраво... – поздоровался граничар на своем языке, когда немецкий переговорщик был совсем рядом.

Генерал Ирлмайер только коротко взглянул на него:

– Отойди.

– Ты не у себя дома! – ответил опешивший от такой наглости граничар.

– Попробуй сказать это еще раз, и дома не станет у тебя.

Граничар разозлился. Как и представители любой малой нации, он был болезненно обидчив и самолюбив.

– Эй, какого черта? – Он схватил немца за рукав. – Кто ты такой, чтобы распоряжаться здесь? Это наша земля, и тебе придется ответить за то, что ты сделал на ней. Ты что думаешь, ты тут хозяин, мать твою?!

Ирлмайер остановился.

– Еще раз упомянешь мою мать или мою страну, свинопас, и окажешься в концлагере или где похуже, доходит? Если ты еще не понял, мы Рейхсвер, армия Священной Римской Империи! Если хочешь идти на нас войной – удачи тебе...

Граничар неохотно признал поражение.

– Что тебе нужно?

– Не тебе, а вам – это первое. Второе – генерал Младенович здесь?

– Так точно, здесь.

– Мне надо поговорить с ним. Он мне... – Ирлмайер немного замялся, подбирая нужное слово, – должен. А долги надо возвращать.

– Мы вас проводим.

– Нет-нет, стой здесь. Не нервируй снайпера.

Вилла – Ирлмайер был здесь два раза, оба раза недолго – оказалась покалечена градом пуль, отметки хорошо виднелись на белых стенах даже ночью. Часть освещения была разбита вместе со стеклами, часть еще действовала. В лазурной воде верхнего бассейна – а тут их было ровно три – лежал труп, и кровь от него в воде висела черным облаком.

Плохо. Плохо. Все плохо. Хуже всего то, что ты не создаешь историю, а всего лишь пытаешься разгрести то, что натворили другие. Идешь по чьим-то кровавым следам.

Ирлмайер вошел в дом, где у окон под прикрытием бетонных стен занимали позиции граничары, охранники Младеновича. И никто не посмел остановить его.

Генерал Анте Младенович, солдат, националист, возможно, что военный преступник, контрабандист, специалист по улаживанию дел, неважно каких и какими методами, любитель женщин на сорок лет моложе себя, сидел в кресле в своей военной форме. На столе лежал заряженный автомат, и рядом с ним – огромная сумка, застегнутая на молнию. Он и не пытался сопротивляться – в отличие от своих граничар, знал, что уже бесполезно.

Тело так и лежало на ковре. Тело в сутане. Его не убрали. Ковер впитал кровь, хотя уже попахивало...

Доктор Манфред Ирлмайер прошелся по кабинету, ногой перевернул лежащее на ковре тело. Подслеповато взгляделся.

– Вот ты и получил свое... – пробормотал он по-немецки.

– Что? Что вы сказали?

– Да так. Мысли вслух, генерал. О бренности нашего земного существования.

В пролом в бронированном окне несло гарью.

– Полагаю, господин генерал, нам есть о чем поговорить, не так ли...

– Так, значит, вы не знаете, каким образом в Риме оказался готовый ядерный заряд? – уточнил Ирлмайер, пристально глядя на собеседника.

– Говорю вам в который уже раз... – с отчаянием в голосе проговорил Младенович, сильно постаревший за несколько часов, может, даже за несколько минут штурма, – я не знаю, как это оказалось в Риме. Не знаю, что и как там взорвалось, не знаю! Можете проверить меня на детекторе, вколоть скополамин – я отвечу вам то же самое: я не знаю. Господи, я почти сорок лет в армии. И знаю порядки. Зачем мне связываться с ядерным оружием, разве я не знаю, что за это бывает?

– Ну... жадность, для примера.

– Никакие деньги не стоят человеческой жизни. Тех, кто замешан в подобном, казнят без приговора...

Почему-то Ирлмайеру хотелось поверить. Хотя бы потому, что в Берлине речь пойдет уже о его виновности и его ответственности за все это. Они были как бараны – висащие за одну ногу...

– Еще раз. Вы возили уран?

– Да. Говорю же вам, да!

– Откуда?

– Тайные прииски. Конго. Те края...

– Какой чистоты обогащения?

– Пять процентов. Пять процентов...

– Что ты мне врешь! – заорал Ирлмайер. – Где ты его обогащал, говори! Как он мог взорваться с таким обогащением?

– Я не знаю. Это реакторный уран, мы транспортировали его только потому, что он был на рынке и стоил дорого. Ну, подумайте, как бы мы построили обогатительную фабрику? Где? Это же сотни каскадов! Для того чтобы ее питать, нужна целая электростанция!

– Тогда что же взорвалось?

– Я не знаю... Поймите, я просто зарабатывал деньги.

– Хорошо. Ты делился с Ватиканом?

– Нет. Не делился. Тут не было их доли. Просто расчеты шли через банк Ватикана.

– Кто покупатели?

– Ну...

– Говори. Не выводи из себя.

– Два покупателя. Один из них «Арева».

– «Арева»? Врешь!

– Богом клянусь!

«Арева». *Черт возьми, «Арева»! Французская ядерная компания полного цикла!*

– Зачем им?

– Для реакторов. У них есть реакторы. Им нужно топливо.

– Где они забирали?

– В Африке. Всегда в Африке. В пограничной зоне, в пустыне.

– Так, ладно. Второй покупатель кто?

– Группа «Фокус».

– Что за группа «Фокус»? Кто они?

– Я не знаю... – сказал Младенович, – платили всегда вперед... У меня остались документы.

Ирлмайер протянул руку.

– Личный номер – ноль-ноль-ноль-три-три-пять-семь-Берлин, проверьте.

– Ноль-ноль-ноль-три-три-пять-семь-Берлин. Подтверждено. Слушаю вас.

– Группа «Фокус»... Налоговый номер один-восемь-дробь... – Ирлмайер продиктовал тринадцатизначный общеевропейский налоговый номер. – Мне надо знать все об этой компании. Кто собственники, чем занимается, какие доходы и имущество задекларировала. В общем – все.

– Яволь, герр генерал.

– Жду.

Ирлмайер отключил голосовую связь, вышел в Интернет. «Арева». «Арева»...

Что-то вертелось в голове.

«Арева»... Публичная компания, созданная правительством Франции на основе «Тех-атома» и нескольких других компаний, ведущих работы по схожей тематике. Акции размещены в Йоханнесбурге. В собственности восемь действующих реакторов мегаваттного класса, отличная исследовательская база. Строили атомные электростанции тем же бурам, обойдя германскую «Дегусса-Атом». Под эгидой этих же компаний ведется работа по французскому ядерному оружию. До сих пор его наличие категорически отрицалось французской стороной, это было понятно. Франция, то есть Африканская Франция, даже не всеми государствами была признана, а тут неконвенциональное оружие, нарушение запрета на распространение – по сути, повод для войны! Но германская разведка знала, что ядерное оружие есть. От восьмидесяти до ста пятидесяти зарядов килотонной мощности, наличие зарядов мегатонной мощности не подтверждено – но им они, скорее всего, и не нужны: нет носителей. Носители – три ударные подлодки типа «Редутабль» и авиационный компонент. Североамериканские истребители – бомбардировщики «F111», переделанные в качестве носителей тактического ядерного оружия. Наземный компонент – устаревшие ракетные комплексы типа «Онест Джон», также североамериканского производства. Велись работы по крылатым ракетам с тактическими ядерными боезарядами – американцы поопасались передавать крылатые ракеты, способные нести такого рода заряд. Все это было угрозой для Священной Римской Империи, но угрозой довольно-таки спорной, ядерное оружие служило Франции для того, чтобы немцы просто не разобрались с ней. «Арева»... почему французы покупают чужой, да еще и нелегальный желтый кек, у них же есть рудники, им могут продать желтый кек буры! Для чего им связываться с откровенно криминальными поставками?

– Я честно...

– Извольте заткнуться.

«Арева». Почему французы?

Зазвенел звонок. Ирлмайер схватил трубку.

– На связи.

– Герр генерал, группа «Фокус».

– Диктуйте.

– Объявленный капитал пятьдесят миллионов марок. Штаб-квартира – Париж. Размещение ценных бумаг – Франкфурт-на-Майне, Цюрих, Йоханнесбург. Размещено пятьдесят миллионов голосующих акций по пять рейхсмарок каждая, все акции номинированы в рейхсмарках. Текущий курс по Франкфурту...

– Кто владелец, чем занимаются... – перебил Ирлмайер.

– Занимаются в основном грязными производствами, активно работают на африканском континенте. В собственности несколько гелиополей²⁰, комплексы по добыче и опреснению, металлургические комплексы...

– Кто владелец?

– Контрольный пакет распылен, герр генерал. Но держателем двух крупнейших пакетов – как указано, номинальным держателем – является Банка ди Рома.

В ушах словно звенел комар.

– Еще одно задание.

– Слушаю, герр генерал.

– Французская атомная группа «Арева». Проверьте структуру собственности. Мне также нужны крупные инвесторы... посмотрите бухгалтерскую отчетность, в общем. Где они кредитуются. И побыстрее.

– Немедленно, герр генерал.

О, современные технологии, что бы мы без них делали! В семидесятые для этого пришлось бы посылать официальный запрос и ждать ответа. Сейчас достаточно просто зайти на сайт Йоханнесбургской фондовой биржи под паролем и логином инвестора на страницу раскрытия информации. Любой эмитент, тем более такой крупный, как «Арева», помещает там бухгалтерскую отчетность и полдесятка различных отчетов, включая отчет о социальной ответственности и отчет о защите окружающей среды. Нужно уметь их читать и сопоставлять одни данные с другими. В век Интернета хорошая бухгалтерская отчетность значит много больше требований секретности.

Телефон зазвонил вновь.

– Ирлмайер.

– Герр генерал, контрольный пакет акций в руках правительства так называемой Франции... – Немец не мог ответить по-иному. Тем более немец, находящийся на службе и говорящий с одним из высших руководителей системы безопасности Рейха.

– Остальное?

– Распределено между инвесторами. Согласно уставу, ни один инвестор не может консолидировать в своих руках более пяти процентов голосующих акций «Аревы».

Ирлмайер закусил губу. Все было не так, как он рассчитывал.

– Проверь облигации. Кредиты. Кто им давал кредиты? Кто андеррайтер²¹ по облигационным выпускам? Там есть Банка ди Рома?

– Минуточку. Кредиты они не обязаны раскрывать, кроме основных параметров, но подписные книги на облигации доступны в Сети. Да... по всем последним выпускам облигаций основной андеррайтер – Банка ди Рома, вы угадали.

²⁰ Солнечные коннекторы – огромные поля солнечных батарей в Африке. Более совершенные, чем у нас, они дают мегаватты электроэнергии. Комплексы по добыче и опреснению – последние исследования, например, показали (в нашем мире), что Северная Африка, в частности Ливия, стоит на водоносных горизонтах, залегающих на глубине двести пятьдесят – триста метров. И если эту воду добыть и провести на поля – то можно снимать по три урожая в год, как это делали римляне. Теперь понятно, почему по всем этим странам своевременно прокатилась череда революций?

²¹ Просто так акции не продаются. Организаторы выпуска – банки либо инвестиционные банки – выкупают весь выпуск (они и есть андеррайтеры, то есть подписчики), и уже они сами продают ценные бумаги в розницу клиентам. Выигрывают они на разнице цен и на услугах андеррайтинга.

Ублюдок...

Он не смог прямо купить компанию по причине законодательного запрета, но, не сумев войти в дверь, он залез в окно. Очень просто – предложив снабжать компанию деньгами. Мало кто возьмется кредитовать или организовывать выпуски облигаций компании, которая находится в стране, не признанной Священной Римской Империей, находящейся в перманентной войне с первой державой мира и объекты которой будут целями в первую очередь. Да даже без войны... банкиры ведь не дураки. Если станет известно о незаконных покупках желтого кека, о незаконных работах по созданию ядерного оружия – первой попадет в санкционный список именно «Арева», и тогда о возврате денежек можно забыть... по крайней мере о быстром возврате. Кто из банкиров сознательно пойдет на риск?! Да тот, кому нужна атомная бомба!

Барон Карло Полетти...

– Что?

– Барон Карло Полетти. Ты знал его?

– Нет...

– Врешь. Идиот, ты опять врешь! Неужели ты не понял, не время играть в игры!

– Вообще-то... – генерал замялся, – говорили, что Банка ди Рома принимает деньги и не особо следит за их чистотой. Только большие, очень большие деньги, мелочь им не интересна. Я сам разместил там деньги... надеюсь что-то еще получить.

Ирлмайер едва не расхохотался. Он знал генерала... но мелочным его никогда не считал. А оказалось, он мелочный. И глупый.

Ирлмайер понимал самое главное, что надо понимать в таких играх. В дилемме «деньги – власть» на первом месте всегда власть – если это, конечно, настоящая власть. Деньги... это так, бумажки, и потерять их легче, чем ты думаешь. Тот, у кого власть, тот устанавливает правила игры. А это – самое главное.

– Поедешь со мной. Ты понимаешь, что просто так это все не кончится.

– Но я не против Рейха!

Ирлмайер подошел ближе.

– Да. Точно. Будь убедителен, друг мой. Как ни мерзко это признавать, мне это сейчас не менее важно, чем тебе. Будь убедителен...

Вместе они вышли из здания. Ирлмайер забрал автомат и повесил его на плечо... не потому, что ему нужно было оружие. Просто из этого автомата было совершено убийство – и он забрал его чисто машинально, как полицейский, чтобы это убийство расследовать... или скрыть.

Граничары, видя, что защищать некого, совсем поникли духом.

Подошел Секеш, коротко поклонился:

– Я вам нужен, экселленц?

– Там комната, приберись, – приказал Ирлмайер, – сумка на столе, захвати ее с собой. Приберись и уйдешь со второй группой.

– Есть.

Подошел и командир отряда морской пехоты, отсалютовал:

– Мои приказания, герр генерал?

– Одна группа возвращается на авианосец. Другая остается здесь до особых распоряжений. Подчиняетесь Секешу как мне. Мне нужно восемь человек.

– Слушаюсь!

Ирлмайер привычным жестом полицейского положил руку на плечо Младеновичу, показывая, что тот уже не свободен. Мелькнула мысль, что, если бы он так и оставался полицейским, а не лез в разведку, все было бы лучше и для него, и для Рейха. Но в Африке нельзя быть полицейским и не быть разведчиком, а потом...

А то, что с нами будет потом, – все это будет потом...

В сопровождении морских пехотинцев из сопровождения они поднялись к вертолетам. Вертолетчик заметил их, отсалютовал. Один из морских пехотинцев показал жестом: взлетаем, готовься к взлету. Пилот кивнул.

«Сикорский» на земле – здоровенная корова, внутри темно, как, хм... в тоннеле, в десантном отсеке сиденья, часть вооружения, ящики с боеприпасами или еще с чем, пилотская кабина далеко, и она отделена от десантного отсека перегородкой. У самой аппарели их встретил один из бойцов посадочной группы, у него в руке была старая, но действенная винтовка «Эрма G8», которая могла использоваться и как снайперская, и как пулемет. Он отступил в сторону, чтобы дать возможность подняться в салон...

Ирлмайер так и не понял, что произошло. Все было нормально – более чем нормально. Он усадил Младеновича ближе к кабине, приковывать наручниками не стал... да и не было у него наручников, а просить у морских пехотинцев одноразовые он не захотел. И тут сзади кто-то задал на повышенных тонах вопрос, он не успел даже осознать какой. Потом треснули выстрелы, как разряд молнии, коротко и сухо. На выстрелы у прошедшего Африку человека реакция однозначная – Ирлмайер упал на пол десантного отсека, потянулся за пистолетом. Но тут кто-то ударил его, да так, что свет в глазах померк, а потом снова начали стрелять...

Когда говорят: «Выхода нет», – не верьте. Выход есть всегда. Просто он такой, о котором голова думать отказывается.

А в спецназ берут людей, для которых слова «выхода нет» являются запретными. Чтобы отсеять тех, кто считает по-иному, устраивают испытания. Часто с попаданием в полицию, самым настоящим. Тот, кто сумел скрыться от полиции, попадает на губу, и там уже за него берутся по-настоящему. Задача одна – не сломаться и ничего не сказать.

Так и тут. На самом деле выходы были. Первый – попытаться скрыться, при большой вероятности, что в процессе этого тебя заметят, не те, так другие. Второй – сдаться, что недопустимо само по себе. На это тоже есть испытания. Одно из них – курсантов с голыми руками бросают в яму с нечистотами, глубиной пять метров. Единственный способ выбраться – сделать «лесенку», при этом все будут в дерьме. Если кто не догадается или просто побрезгует – тот может сидеть в яме до скончания века, и единственный способ выбраться – крикнуть, что ты не «тюлень» и уходишь с курсов. Еще одно испытание – подводный лабиринт. С аварийным комплектом курсанта сажают в лабиринт труб, затопливают их водой и приказывают ползти вперед, чтобы выбраться. Когда выход совсем рядом, курсант обнаруживает решетку. О которой его никто не предупреждал. В аварийном комплекте запаса воздуха хватает на тридцать минут, решетку убирают через пятнадцать. Сдавшим считается тот, кто боролся до конца: осматривал решетку, пытался перепилить ее пилкой водолазного ножа, подал сигнал на поверхность. В спецназ берут только тех, кто не умеет сдаваться. Кто будет драться до конца, даже если шансов совсем нет.

Командир группы дождался, пока бой разгорится в достаточной степени, чтобы заглушить лишние звуки, а пулеметчики, которые собрались у аппарели, отвлекутся и потеряют бдительность. На пальцах объяснил ситуацию – по два человека на вертолет.

Надо быть настоящим отморозком, чтобы вчетвером пытаться захватить два транспортных вертолета. К счастью, это были экипажи чисто «морские», они базировались на ТДК и давно не летали в зоне боевых действий. Нормальной охраны на земле не было, только бортовые пулеметчики, решившие покурить и потрепаться.

Командир группы достал небольшую трубку, которые у них были у каждого. Длинной примерно тридцать сантиметров, тонкий стальной лейнер и прочный пластик поверх. Вложил в нее пулю – пластиковую муху, переделанную наживу для рыбаков. Только вместо крючка – жало с сильнейшим снотворным.

Немцы *бакланили* о своем и просто-таки напрашивались. Все-таки террор в Африке совсем не такой, как на Востоке, и потому расслабились. За расслабуху платят собственными жизнями, но не в этот раз. Глушители были у каждого – спецназ немислим без глушителей, и разбросать их одной очередью – для этого даже по одному, а не по два человека на вертолет достаточно. Но что потом? Если бы это были англичане – командир группы не мешкал бы ни секунды, но... немцы. Они жили рядом, они тренировались вместе, среди офицеров было много немцев, предыдущий командующий Силами специальных операций был прибалтийским, остзейским немцем. Как бы ни повернулось дело потом – немцы узнают о том, что русские убили немцев. Русские солдаты убили немецких солдат, из засады и в достаточно спорной ситуации, даже не в бою. Рано или поздно немцы придумают, как отомстить, и отомстят. Достаточно напутать со смесью или с параметрами декомпрессии во время совместных учений – смерть такая, что и врагу не пожелаешь, и ничего не докажешь. Дело пойдет дальше. Будет хуже жить всем, и все из-за одного его решения. Так что лучше, если немцы узнают, что русские даже в такой ситуации помнили о дружбе до тех пор, пока это было возможно.

Он поднял трубку и направил на ближайшего.

Сами немцы и в самом деле расслабились.

В экипаже «Сикорского», который на деле «мессершмит», пять человек летного персонала и два – наземного. Из летного – пилот, штурман, он же второй пилот, канонир правого борта, канонир левого борта (это тебе флот, а не сапоги) и бортмеханик. С тех пор как на аппарели установили еще один пулемет – он еще и хвостовой пулеметчик, а так он за десантирование отвечает. Полезный член общества, в общем.

В отличие от остальных кораблей Флота открытого моря на «Баварии» экипажи были слабые. Она считалась учебной – и здесь постоянно было полно зеленых салаг. К тому же именно эти экипажи учились скоростному тралению, а не доставке и эвакуации групп за линию фронта. Моряки все-таки достали Ирлмайера – дали ему два наименее опытных экипажа. Не стоило хамить.

На бой смотреть было скучно, тем более что сначала палили по ним, а потом развернули автоматический гранатомет – и бой быстро сошел на нет. Очевидно, сейчас будут переговоры, потом найдут решение. Так что трое канониров собрались перекурить...

– ...Так вот, лежу я и вижу: мы с Гретой на Кильской регате. Ее отец кого-то там приветствует, на нас не обращает внимания. Грета смотрит в сторону отца, и вдруг я чувствую, как она кладет мне туда руку...

– Да пошел ты.

– Кильская регата, еще чего придумаешь...

– И тут я чувствую, что куда-то лечу...

– Преждевременная эякуляция, – со знанием дела заявил бортмеханик, старше стрелков на пять лет.

– Нет. Шуцман Адольф. Я сижу на полу, моя кровать перевернута, а он стоит и орет: «Подъем, скотина!»

– Ха-ха-ха...

Это действительно было смешно. Вот только... рассказчик поперхнулся, закашлялся...

– Эй...

И начал вдруг как-то ложиться... прямо на аппарель.

– Чего с тобой? Эй, Клейн! Поперхнулся, что ли?

– Подожди...

Бортмеханик включил фонарик, засветив зрение, ослепив и себя, и товарища. Канонир правого борта был белый как мел.

– Что с ним?

Палец к артерии – пульс есть.

– Аптечку.

Две тени были уже совсем рядом. Два на два – любо плюнуть, снятие часового – едва ли не первое, что изучают. Гораздо сложнее – снять врага так, чтобы он остался жив...

Несколько секунд – и вот в отключке уже трое. Одна тень проникает в вертолет. Другая тащит лежащие на аппарели тела дальше...

– Хенде хох!

Вертолетчики – каста что в армии, что на флоте особенная.

Вертолет – едва ли не самая сложная техника для использования. Пилотирование боевого вертолета официально считается самой сложной дисциплиной, пилот боевого вертолета имеет жалование больше, чем летчик истребителя. Поэтому за штурвалом вертолета встречаются даже генералы, полковник или старший майор (подполковник) в качестве командира экипажа – дело обычное. И тыкать пистолетом в лицо – этого нельзя делать, даже если ты враг.

Пилоты вертолета находились на месте, потому что устав запрещал им сходить с места и покидать машину. Первый пилот полковник Шталмайер как раз грыз подсоленный сухарь, чтобы перебить аппетит, а штурман майор Гауге решил перекусить по-взрослому. Как раз за рагу из термоконтейнера принялся, и тут...

– Что?

– Ни слова по рации, все равно бесполезно! Тревожная... у вас нет.

– Какого черта?! – Шталмайер бросил недогрызенный сухарь в приоткрытый блистер.

– Не двигайтесь, иначе смерть.

Неизвестный протянул руку и выдернул оружие самозащиты – пистолет-пулемет «MP7A1» из кобуры на груди полковника. Пилоты носили такое оружие на груди, оно должно было им помочь, если сойдут над вражеской территорией, продержаться до подхода спасателей.

– Франк!

Гауге попытался одновременно ударить неизвестного и не выпустить рагу, но неизвестный ударил майора согнутым локтем по голове и также лишил его оружия.

– Что происходит?!

– Происходит то, что вертолет захвачен. Будете делать то, что говорят, – останетесь в живых. Если нет...

– Что он говорит?!

– Черт, больно...

– Вертолет захвачен. Мы не хотим убивать вас. Нам надо просто убраться отсюда, ясно? Вывезете нас – и все будет нормально.

– Что? Куда вывезете?

– Пункт назначения я вам скажу позже.

– Вашу мать, это какая-то проверка? Вы что, идиот?

В десантном отсеке был кто-то еще. Он услышал голос, но неизвестный говорил, смотря на них.

– Все чисто. Трое упакованы.

– Вторая птичка?

– Сигнал получен. Я в отсеке.

– Переоденься. Один ростом с тебя. Сыграем.

– Есть.

Пилот вспомнил этот язык – русский! Русский надо было знать. Русские были союзниками.

– Что вам нужно? – спросил он по-русски. – Это вертолет германского флота, вы понимаете это?

– Еще как понимаю, полковник, – неизвестный ответил тоже на русском языке, – я же сказал, нам надо убратъся отсюда. Вывезете нас – и останетесь живы сами. Нет...

– Да пошел ты! Хочешь – убей меня, кусок дерьма. И кто тогда поведет вертолет? Тебя просто пристрелят как собаку.

Неизвестный ткнул полковника стволом пистолета.

– Вертолет подниму в воздух я, полковник. Я умею управлять вертолетом, и мои люди тоже, нас хорошо учили. Возможно, я умею пилотировать не так хорошо, как вы, но все-таки умею.

Можно было не верить этому – мало ли кто что скажет. Но полковник поверил. Потому что краем глаза, только когда поворачивался, в самом начале, заметил, куда бросил взгляд незнакомец, перед тем как начать разбираться с ними. Туда, куда и он сам посмотрел бы, оказавшись в незнакомом вертолете. Запас топлива, температура и обороты турбины, горизонт смотреть смысла нет – стоим на земле. Значит, он и в самом деле умеет обращаться с вертолетом и, возможно, при необходимости сам может взлететь. Конечно, по правилам в кабине должно быть двое, но второй только контролирует. Опытный пилот вполне способен взлететь в одиночку.

И неизвестный странный, не похож на бандита. Правильные фразы, богатая лексика – это либо его родной язык, либо он его очень хорошо учил.

– Что замолчали? Обдумываете свое положение?

– Нет.

– И правильно. Нечего тут обдумывать. Бывают ситуации, когда надо просто подчиниться. И это – не самая худшая из них...

Мы опоздали. Сколько раз нам вбивали в голову в училище: опередил – победил! Если хочешь победить – опережай противника, кто опережает, тот назначает будущее. Но здесь мы опоздали, немцы успели первыми, и теперь предстояло расхлебывать заваренную кашу.

Нас было шестнадцать человек, четыре экипажа. Два вертолета «Сикорский-59», легких и скоростных, в специальной комплектации. Самые опытные экипажи, которые только были, в конце концов, это была группа, охотящаяся за генералом Абубакаром Тимуром, лучшие из лучших. И все равно примерно к середине нашего пути до хорватского берега я вдруг понял, что мы реально можем и не долететь.

То, что происходило в воздухе, нельзя было описать словами: немцы как будто взбесились. У них в воздухе было едва ли не полное авиакрыло, мы начали поднимать самолеты вторыми и «потеряли воздух» – теперь его приходилось выгрызать, милю за милей. Встав в оборонительный порядок, немцы методично, раз за разом, применяли все приемы, какие раньше применялись только к врагам. Начиная от демонстративного перевода радаров в режим прицеливания, отчего «Наташа»²² сходила с ума, и заканчивая активным маневрированием в опасной близости, особенно опасным от того, что дело происходило ночью. Доставалось и вертолетам – в отличие от самолета вертолет вполне можно сбить сильной струей воздуха от пролетевшего в опасной близости реактивного истребителя. Произошло нечто такое, что привело обычно невозмутимых тевтонов в ярость.

Почему-то вспомнилось высказывание великого испанского писателя Бальтасара Грасиана-и-Моралеса. Он сказал: «Худшие враги – из бывших друзей: бьют по твоим слабостям, им одним ведомым, по наиболее уязвимому месту». Есть и еще одно высказывание великого итальянского политика и властителя из Средневековья Козимо Медичи: «Сказано, что мы должны прощать своих врагов. Но нигде не сказано, что мы должны прощать своих бывших друзей». Все это – об одном и том же. Нет худших врагов, чем бывшие друзья, и дело не в знании их

²² Автоинформатор, пилоты зовут его именно так.

слабых мест, а в той ярости, которую они испытывают при осознании того, что они – бывшие. Эта ярость, вызванная иногда предательством, иногда интригами, иногда простым недопониманием, столь ужасающа, что под влиянием ее могут быть приняты самые ненормальные решения. После которых пути назад уже не будет.

Только очень близкие или в чем-то схожие люди могут смертельно ненавидеть друг друга, остальным друг на друга просто плевать.

– Вижу берег!

– Берег, готовность!

Может, хватит, а? Как говорил один киногерой, хороший дом, ласковая жена – все, что нужно, чтобы встретить старость. Я уже на несколько лет переслуживаю, я не имею права числиться в боевых подразделениях и остаюсь в боевом составе флота исключительно благодаря оговорке, что на лиц адмиральского звания положение о предельной выслуге не распространяется. Наверное, тот, кто составлял этот «табель о рангах», не думал об адмиралах, которым нет и сорока, которые почти все звания получили досрочно, которые, вместо того чтобы корабли водить, хорошо знают, как их топить, причем в одиночку, и которые... Да черт с ним, вопрос в том, зачем ты здесь. Боишься собственной старости? Не понимаешь, что рано или поздно уставшая сталь даст излом и ты подставишь тех пацанов, которые идут в одной связке? Надеешься их чему-то научить? Неужели ты думаешь, что тех, кто прошел Персию, кто высаживался на крышу энергоблока итурмужемой экстремистами электростанции, кто ходил за линию фронта во время восстания Махди, кто охотился за самыми опасными террористами из всех, каких только знала история, – неужели ты думаешь, что сможешь их чему-то научить? Мир сейчас совсем другой, и если тебя считают «победителем драконов», так это только потому, что драконы в те времена были совсем другими. Нынешний дракон – немногим больше двадцати, оловянные от ненависти глаза, пояс шахида, который он не снимает ни днем ни ночью, несколько намертво вбитых в подсознание фраз и условных реакций, и ничего сверх этого. И вот таких они брали даже живыми!

– Господин адмирал.

Я вернулся из мира беспощадных рассуждений в не менее беспощадную реальность. Командир группы сидел напротив меня – в вертолете больше половины мест были свободными.

– Да, слушаю.

– Две минуты до высадки. Прикажете заряжать?

– Заряжайте.

– Зарядить оружие, минутная готовность!

Он посмотрел на меня: я хорошо знал его, а он – меня, не раз виделись и на Сицилии, и в горящем Вашингтоне. Посмотрел так, что мне, право же, стало неловко.

– Ваше Высокопревосходительство, для нас честь идти с вами. Рассказать кому – не повесят.

Да уж.

– Слушай приказ. Делай свою работу и не обращай внимания на меня, все ясно?

– Так точно!

– Не кричи так. Вертолет перекрикиваешь. Это для меня честь – идти с вами. Вы – будущее, я – уже нет. С нами бог, господа.

– С нами бог, за нами Россия!

Мы совершили посадку дальше от вертолетов, черных машин, едва помещающихся на дороге. С земли – я чувствовал это спинным мозгом – в нас целились десятки стволов, и не меньше – угроза была в небе. Немцы были взбешены, это чувствовалось по их радиогамме, больше похожей на ультиматум и спутавшей нам все карты.

– Дай гранату. Да не ту...

Светошумовая. В отличие от гранат британского образца, наша не цилиндр, а небольшое яблочко, наполовину белое, наполовину черное. Черная часть резиновая, как эспандер, чтобы не глядя определить тип гранаты. Называется «Заря».

– Боевой приказ, пираты. Слушаете?

– Так точно.

– Остаетесь в вертолете, сразу за мной не лезете. Дальше – как внимание будет отвлечено на меня – по обстановке. Можете через люк для лебедки вниз, можете еще как. На меня не смотреть. Если будет совсем кисло – я подрываю гранату, они временно ослепнут, они все будут смотреть на меня. Тут уж не подведите.

– Один человек будет следить за вами. Снайпер.

– Отставить. Их до сотни. Вам нужен будет каждый ствол. Остальное – мои проблемы. Господь с нами.

– Удачи.

Второй вертолет, с группой из восьми человек, ушел дальше. Мы тоже не дураки – он высадит вторую группу из восьми человек там, где это будет целесообразно, там, где они не будут под прицелом с первой минуты высадки. Восемь человек внутри периметра и восемь извне, у которых руки будут свободны и которые могут ударить где угодно и как угодно. У них даже легкий миномет будет. Хоть пару козырей, но мы из колоды достанем.

Вышел через боковой люк. Один. Пошел вперед. В темноте видно плохо, видно только, что вертолеты стоят, плохо освещенные и, кажется, безжизненные. Что, ко всем чертям, произошло здесь?

Одна красная точка... вот уже две. Снайперы. На нервы давят. И мысли разные в голове – от перебора того, что не сделал, до констатации того факта, что пожить-то еще хочется.

– Стоять! Руки вверх.

Я продолжал идти. Медленно, но спокойно, как на прогулке. Девяносто девять из ста, что никто не возьмет на себя ответственность. С французами надо быть в таких случаях крайне осторожными: галльский темперамент, возможен эксцесс исполнителя²³. Опасаться надо англичан: у них есть привычка без предупреждения наносить сильнейший удар в челюсть и ввязываться в бой, не соизмеряя шансы на победу. Менее опасны североамериканцы, а немец, если не получит приказа, будет лежать до скончания века.

Так я и шел, пока человек из темноты не заступил мне дорогу. Ниже меня, но на немного, видно плохо. Но шестое чувство подсказывает, что где-то я его уже видел.

– С кем имею честь?

– Адмирал русской службы князь Воронцов, честь имею.

– Адриан фон Секеш, нахожусь на службе Его Величества Кайзера, честь имею.

– Вы старший здесь?

– Вообще-то старший по званию, герр адмирал, находится в том вертолете. И не может принять участие в нашей беседе.

– Вот как? Почему бы ему не сделать милость и не выйти к нам?

– Потому что он захвачен, сударь. В заложники.

– Вот как? – Я на самом деле удивился. – И кем же, позвольте поинтересоваться?

– Вами. Точнее, вашими людьми.

Я промолчал, начиная догадываться.

– Вы не отдавали такого приказа, сударь? – проницательно спросил Секеш.

– Я отвечаю за свои поступки и поступки своих людей, милорд. Имеете какие-то требования?

Теперь пришлось помолчать в раздумье уже Секешу.

²³ Юридический термин, выход исполнителя за пределы приказа или инструкций.

– Герр адмирал, – сказал он, – здесь нет ничего вашего. Это не ваша земля, это не земля вашего вассала, это не ваше дело – то, что здесь происходит. Клянусь честью, если ваши люди выпустят немцев, которых они удерживают в заложниках, освободят нашу технику – мы позволим вам уйти. Вот наши требования.

– Сударь, – сказал я, – возможно, здесь вас больше, чем нас, но вот насчет акватории я бы не стал так утверждать, скорее наоборот. Я с уважением отнесся к вам и вашим словам, в то время как вы открытым текстом предложили мне спастись бегством. Мы здесь, мы будем здесь, с этим ничего не поделаете ни вы, ни кто-либо другой. Предлагаю во имя дружбы наших стран, если от нее еще что-то осталось, во имя тех девяноста лет спокойствия, которые нам удалось отыграть у судьбы, допустить меня к вертолету, чтобы я мог поговорить с теми, кто там находится. И не ставить мне условий, которые я не могу выполнить, хотя бы из соображений чести.

Секеш помолчал. Потом отстегнул что-то с пояса, протянул мне:

– Возьмите.

– Что это?

– Фонарь. Пойдете к вертолету – осветите себя. Иначе они будут стрелять...

На самом деле у русских моряков получилось. Почти. Вот это-то «почти» и губит нас.

План был довольно простой. Дождаться, пока в вертолет будут грузиться, после чего просто захватить его и улететь куда нужно. Несколько человек в качестве заложников достаточно, чтобы их не сбили в воздухе. Лишних немцев предполагалось просто оставить на земле, даже не отбирая у них оружия, чтобы они могли выжить. Уже в воздухе выйти на контакт с русским авианосцем или ТДК, совершить на нем посадку. Затем всех немцев передать командованию Флота открытого моря, не поднимая излишнего шума. Технику тоже отдать. Они чисто взяли оба вертолета, ни один из немцев не погиб. Конечно, будет скандал, и большой скандал, но приказ надо выполнять, это все понимают. А немцы не могут не оценить того, что приказ был выполнен минимально возможной силой и без лишней крови.

Но человек предполагает, а бог располагает. Они увидели идущих к вертолету людей, небольшую группу – около десятка человек, которые кого-то вели. Приглядевшись, Светляк понял: джокера. Того самого. Ублюдка, за которым они пришли, который был им нужен. Что ж, господа, извините...

– Ни слова. Можешь поприветствовать их. Одно лишнее движение – и я стреляю.

Шталмайер ничего не ответил. Он начал беспокоить Светляка – замкнулся в себе, резко перестал говорить. Когда человек говорит, он не опасен, если он молчит – значит, наверняка что-то задумал. Но сделать с этим ничего было нельзя, остается надеяться, что немцы есть немцы, рационалисты до мозга костей и они не выкинут ничего такого, в стиле японских самураев.

Группа людей была все ближе. Светляк отступил на шаг назад, его автомат стоял рядом, в темноте кабины его было не видно – по «беретте» сразу опознают чужака, с одного взгляда. В его руке был трофейный «MP7A1», с длинным изогнутым рожком на сорок патронов, из него можно было стрелять с одной руки. В другой руке была светошумовая граната – на случай если начнется пальба в салоне. Взрыв светошумовой оглушит и ошеломит всех и в то же время не причинит никому серьезного вреда. Можно будет тихо повязать всех и приготовиться к обороне.

Шталмайер помахал рукой, ему не ответили. На самом деле он попытался в пределах возможного изобразить условный жест опасности. Этот жест применялся в авиации, точнее, в палубной авиации, и означал неожиданное происшествие, прекратить все процедуры. Проблема в том, что ни Манфред Ирлмайер, ни морские пехотинцы не знали этого знака. Любой

другой летчик или матрос палубной команды его бы понял, но не они. Тем более в темноте и тем более – в радости от того, что задание выполнено.

Люди подошли к вертолету. Начали загружаться в десантный отсек. Один из немцев, явно гражданский, конвоировал задержанного – он сел совсем рядом. Светляк сместился к бортовому пулемету, показывая, что он тут якобы при деле, стоит на пулемете.

И тут случилась катастрофа.

Один из морских пехотинцев задержался у аппарели. Он видел перед собой (хотя видел – для той темноты это громкие слова) человека, одетого в экипировку канонира палубной авиации, но только одного. А так как он знал всех канониров этого вертолета, он просто решил перекинуться парой слов, поделиться радостью, так сказать.

– Отто, какого хрена ты стоишь как свинья с початком в заднице? А где Клейн, куда он смотался? Приказано уносить ноги...

И тут морской пехотинец понял, что перед ним незнакомый человек. Да, у него шлем с защитой лица, куртка, оружие – все как надо, но перед ним незнакомый человек. Когда долго служишь или знаешь человека – можешь понять, он это или нет, даже в темноте, по мельчайшим признакам, которые не подделать.

– Ты кто такой? – спросил он.

Человек отступил на шаг и ткнул его пистолетом с глушителем.

– Пошел в вертолет, живо... – сказал он на отличном немецком.

Мелькнула мысль: «Террористы».

– Что?

– Эй, Франц, какого хрена ты там застрял?! – крикнули из вертолета. – Поднимайся, живо!

Морской пехотинец в этот момент начал действовать, рассчитывая на то, что крик из салона вертолета хоть немного отвлечет внимание террориста. Все-таки их очень хорошо учили, это были солдаты профессиональной армии, солдаты нации, которую называют «нация солдат». Но он не ожидал того, что перед ним будет еще лучший профессионал, с превосходящей реакцией. Как только он попытался схватить пистолет, спецназовец дважды нажал на спуск, и немец рухнул на аппарель. Одна из пуль попала в бедренную артерию, а это верная смерть в течение нескольких минут.

– Что там? Что происходит?! – крикнули из салона.

Стоявший у правого пулемета канонир ударил стоящего перед ним гражданского гранатой по голове, как кистенем, после чего выдернул чеку и отбросил гранату от себя, отворачиваясь. Немцы просто не успели понять, что происходит, до того как взорвалась граната. А после того как она взорвалась, они были уже недееспособны, взрыв в ограниченном пространстве вертолетного салона был такой, что у двоих были серьезно повреждены барабанные перепонки и все ослепли.

– Взлетай, быстро! – рывкнул Светляк по-немецки в кабину пилота и бросился к аппарели, на ходу сшибая оглушенных и ослепленных немцев кого ударом кулака, кого ударом ноги.

Одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, что произошло.

– Взлетаем!

Светляк отсигналил другому вертолету фонариком: «Экстренная ситуация, взлетаем». После чего схватил молодого немца, из которого хлестало как из зарезанной свиньи, и, протаскивав внутрь, бросил его на пол. Как сильно он ранен – было непонятно, в вертолете есть аптечка, но им можно будет заняться только после взлета. Русские все еще надеялись никого не убить.

Снаружи кричали, морские пехотинцы поняли, что происходит что-то неладное, и бросились к вертолетам.

Капитан Лермонтов – а именно он занимал позиции у аппарели первого вертолета – сделал несколько выстрелов из винтовки, которую позаимствовал у одного из немцев, надеясь

остановить их хотя бы на несколько минут и заставить залечь. Но это были немцы, точнее – германские морские пехотинцы, которым было не привыкать к быстрому разворачиванию и у которых было лучшее оружие из того, какое может дать солдату технократическая сверхдержава. Кто-то из снайперов или назначенных стрелков поймал цель в красное перекрестие термооптического прицела и выстрелил в ответ. Это только в фильмах перестрелки длятся по пять-семь минут экранного времени, на деле все происходит намного быстрее.

Поняв, что происходит, Светляк бросился обратно в салон, наступая на немцев и едва не падая. Если не тормознуть морпехов хотя бы секунд на двадцать – все, крышка. Они доберутся до вертолета и просто задавят числом.

Что справа, что слева – на выносных турелях, удобных для того, чтобы обстреливать землю, – стояли два чудовищных «MG155/2 Рейнметалл-Борзиг». Это тяжелые пулеметы с двумя сменными стволами, один калибра тринадцать миллиметров, другой – двадцать. Гильза одна – и можно выбирать: бронепробиваемость или осколочно-фугасное воздействие по незащищенным целям. Сейчас там стоял ствол тринадцать миллиметров и боеприпасы, предназначенные для стрельбы с воздуха в воду²⁴. Раз вертолет исполнял функцию борьбы с минными постановками – канониры учились расстреливать обнаруженные морские мины с вертолета, а потом так и не поменяли боезапас.

Пулемет зарычал, как обозленный морской лев, – и немцы ткнулись в землю, начали расползаться по укрытиям. Все-таки, когда прямо над головой бьет крупнокалиберный пулемет, это сильно.

Пули снайперов ударили по цели, выбивая искры, но в том-то все и дело, что пулеметчик на вертолете был отлично защищен от огня извне. Сейчас разработанная немцами защита сыграла против немцев же.

Быстро они не очухаются.

Светляк метнулся в кабину.

– Взлетай немедленно!

На приборной панели не было ни одного огонька. Шталмайер сидел в темноте, а штурмана не было видно вообще. Как потом оказалось, ему удалось сбежать, и он получил ранение от своих же, пока не разобрались.

– Да пошел ты, – сказал германский летчик, – взлетай, если умеешь.

Ублюдок.

Надо было выстрелить. Но Светляк не выстрелил. Он все еще хотел решить дело меньшей кровью...

Вместо этого он подбежал к пулемету, дал еще одну очередь, светлячками ушедшую в небо, и что было сил заорал:

– Не подходить! Вертолет захвачен, у нас заложники! Мы убьем их, не подходить!

Подходя к вертолету, я включил фонарик и светил на лицо снизу. Когда-то давно мы баловались так, потом – играли любительский спектакль. В Ливадии нас было около двадцати пацанов и девчонок, и мы разучивали роли и играли любительские спектакли для Их Величеств и других отдыхающих на побережье дворян. Помню, это был спектакль по книге «Дракула» Брэма Стокера, страшная история бессмертного вампира, бывшего трансильванского воеводы Влада Цепеша по кличке Дракула, «дракон». Мы не знали, как нам изобразить вампиров так, чтобы было пострашнее, – и наконец придумали: примотали изолентой небольшие фонарики, чтобы светили вверх, на лицо. Совсем не думали тогда... что потом придется эту изоленту отрывать. Но спектакль отыграли, даже на бис. Кстати, я потом узнал, откуда пошло поверье, что в Трансильвании существуют вампиры. Именно из этой местности пошел бытую-

²⁴ Такие боеприпасы существуют и в нашем мире, разработаны в Норвегии в нескольких калибрах.

щий ныне по всей Австро-Венгрии чудовищный обычай мужчинам красить губы ярко-алой женской помадой²⁵. Вроде как это обозначало кровь врагов, но в наш развращенный век это могло означать и совсем другое...

У самой аппарели я посветил на погоны, потом на лицо.

– Опознали? – крикнул я по-русски.

– Вы один, Ваше Высокопревосходительство?

Я оглянулся.

– Один.

– Можете идти.

Аппарель застучала под ногами. Вертолет был знакомым – тот же «Сикорский», их кругом полно.

– Капитан Светляк?

– Он самый. Не надо здесь светить, Ваше Высокопревосходительство.

– И не собираюсь. Без чинов. Кто-то ранен?

– Капитан Лермонтов ранен. И один германский солдат был ранен и скончался.

Черт...

– А что во втором вертолете?

– То же самое.

– Капитан Лермонтов, где вы?

– Здесь... – голос у самой кабины. – Выкарабкаюсь.

Я бы не стал это утверждать. Пулевые ранения – коварная штука.

– Здесь неплохая аптечка. Жить можно.

– Я сейчас вернусь.

Я спустился обратно на землю, отошел от вертолета.

– Граф Секеш, где вы?

– Здесь... – он появился из темноты. – Кстати, я не граф. Я бастард.

– Тот, кто служит, кровью подтверждает свой титул, – сказал я, – разве это не так? Мне нужно поговорить с кем-то из дворян. Если это вы, извольте выслушать.

Заминка.

– Я слушаю вас. Как это говорят по-русски... за неимением гербовой...

– Сударь, вы либо дворянин, либо нет, определитесь, – перебил я.

Это непростой выбор, и сказать «я дворянин» не так-то просто. Это накладывает определенные обязательства. Братство дворян – невидимое братство, и если мы говорим, что мы лучше и достойнее простых людей, значит, так и должно быть. Не предай, не урони честь, воюй за свою страну, не солги одному из своих. Дворяне, конечно, есть разные, но среди нас все знают, кто есть кто. Тот, кто предал, становится изгоем для нас и насмешкой, а то и предметом ненависти для простолюдинов.

– Я дворянин по крови, – сказал Секеш, – слушаю вас.

– Сударь, один из моих людей ранен. Нужно эвакуировать его.

– Это невозможно.

– Даю слово чести, мы не будем ничего предпринимать во вред вам.

– Вы не будете предпринимать ничего во вред нам? – издевательски переспросил Секеш.

– Сударь, вы знаете, что произошло в Риме? Это часть Европы, это город, из которого пошла Европа, и он сгорел в атомном огне. Раньше такого не было, а теперь есть, и остается только гадать, где еще взорвется. Долгие девяносто лет мы поддерживали мир, но становится все хуже и хуже. Вы не доверяете нам, а мы – вам. Мы плетем интриги друг против друга, наши улыбки стали лицемерными, а на деле мы только и думаем, как причинить друг другу вред.

²⁵ Такой обычай действительно бытовал среди венгерского дворянства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.